

ВО ВЛАСТИ ХАДСЯ

СОВРЕМЕННОКИ О ВОЙНАХ
И РЕВОЛЮЦИЯХ 1914-1920

Леонид Матвеевич Аринштейн
**Во власти хаоса. Современники о
войнах и революциях 1914–1920**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14821471

Во власти хаоса. Современники о войнах и революциях 1914–1920 / [автор-составитель Л. М.

Аринштейн]: Грифон; Москва; 2007

ISBN 978-5-98862-041-9

Аннотация

Книга представляет собой композицию из фрагментов свидетельств и воспоминаний о заметных личностях и событиях Первой Мировой и Гражданской войны, а также двух революций 1917 года – Февральской и Октябрьской.

В книгу включены также фрагменты из художественных произведений на ту же тему, имеющих автобиографический характер (Алексей Ремизов, Артем Веселый) или написанные в жанре беллетризованной биографии (Роман Гуль, Марк Алданов).

В своей полноте книга должна передать атмосферу лихолетья 1914–1920 годов и познакомить читателя с наименее до сих пор освещавшимися событиями и сторонами жизни их участников.

Содержание

От составителя	5
Часть 1. Бандитизм как форма элитарного существования	7
Махно. Из воспоминаний Н. В. Герасименко	7
Пилсудский. Из очерка Марка Алданова	40
Котовский. Из книги Романа Гуля «Красные маршалы»	52
Конец ознакомительного фрагмента.	59

**Во власти хаоса. Современники о
войнах и революциях 1914–1920**
*(автор-составитель
Леонид Аринштейн)*

© Грифон, 2007

© Л. М. Аринштейн, составление, композиция, подготовка текстов, 2007

© В. С. Голубев, оформление, 2007

* * *

От составителя

В незатейливом анекдоте о Петьке, сидящем на рельсах, и Василии Ивановиче с его «Подвинься, Петька, я тоже сяду», – может быть, лучше, чем во многих исторических трудах, схвачен тот уровень бессмысленности, который охватил русское общество в первой четверти двадцатого столетия и привел к катастрофическим войнам и революциям 1914–1920 годов.

Я, признаюсь, не люблю исторических трудов. В них все слишком выстроено: факты, причины, следствия гладко подогнаны, как в регулярном французском саду. В реальной жизни нет такой правильности. А если добавить к этому характерное для большинства работ историков многословие и тяжеловесность стиля, то понятно, почему их мало кто читает.

Другое дело – мемуары. Пусть они не столь глубоки, как академические исследования, но зато насколько они свободнее, живее, насколько вернее передают вкус и запах эпохи. Понятно, и здесь есть свои огрехи. В мемуарах много неточностей: то память подведет мемуариста, то хочется ему выдать желаемое за действительное, да и самому немного покрасоваться. И все же, в лучших произведениях мемуарной литературы немало убедительного, увлекательного, исторически верного. Особенно это относится к тем из них, которые были написаны вскоре после событий, по горячим следам. Это, собственно, даже не воспоминания, а *свидетельства* современников. Большая часть книги как раз и состоит из такого рода материалов – свидетельств о двух войнах, Первой мировой и Гражданской, и двух революциях, Февральской и Октябрьской. Перерывая на протяжении довольно длительного времени различные исторические труды и мемуары на эту тему, я как-то скорее даже подсознательно, чем целенаправленно отбирал именно такого рода свидетельства.

Действительно, в десятках исторических трудов и воспоминаний я читал о самоубийстве Донского атамана Алексея Максимовича Каледина. Но по-настоящему я почувствовал всю глубину и неотвратимость этой трагедии, когда прочитал очерк М. Богаевского, человека, близкого Каледину, с которым тот советовался по важнейшим вопросам в последние свои предсмертные дни и который вбежал в комнату атамана через несколько минут после выстрела... Очерк был написан уже через 3 или 4 дня после рокового события, а сам М. Богаевский как бы расписался кровью за свою правду – в том же 1918 году он был расстрелян большевиками.

Или же не столь трагический, но столь же эмоционально впечатляющий «эффект присутствия» в записи драгунского офицера Аркадия Столыпина о его состоянии, когда вскоре после Февральской революции ему было приказано снять с погон вензеля Императора...

Я не хочу этим сказать, что воспоминания, написанные двадцать или тридцать лет спустя, не могут быть столь же увлекательны и исторически правдивы. Например, воспоминания графа Зубова о революционных днях в Гатчине или впервые публикуемые по рукописи воспоминания Н. Я. Галая о его восприятии двух революций не уступают свидетельствам, написанным по горячим следам.

Важным критерием при составлении книги было для меня, помимо сказанного, свежесть материала. Я стремился отобрать не только самые любопытные, но и наименее заезженные воспоминания. С этой целью я определил круг лиц и событий, которые по моему разумению, с одной стороны, должны быть всем интересны, а с другой – не очень известны. Вот, к примеру, адмирал Колчак. Сколько всего и возвеличивающего и уничижительного написано в книгах и показано в фильмах об Омском периоде его жизни и о его трагическом конце. А вот интереснейший период, когда он командовал Черноморским флотом (где его и застала революция), мало кому, кроме специалистов, известен. Или же генерал Ренненкампф. Несть числа военно-историческим трудам, посвященным не самой удачной операции русских войск в Восточной Пруссии в начале Первой мировой войны, но одно из цен-

тральных действующих лиц этих событий – генерал Ренненкампф остался где-то в тени, припечатанный к тому же военными историками серией нелестных эпитетов.

И еще одна особенность этой книги. Я убежден, что длинные, растянутые на многие десятки и сотни страниц повествования не способствуют восприятию современным читателем динамики той эпохи. Поэтому практически все тексты в этой книге даны в сокращенном виде. Некоторые из них сокращены сравнительно незначительно, не более чем на треть (очерки о Махно, Пилсудском, Колчаке). Другие более чем наполовину («Как Латвия не стала советской»). Третьи вообще представляют собой фрагменты крупных художественных произведений (А. Ремизов, Р. Гуль, А. Веселый) или же статей и записок (А. Столыпин, Е. Шелькинг, М. Свечин, Б. Пылин, А. Брагин). При этом ни в одном случае я не позволил себе замены авторских слов и выражений моими собственными. Композиционное расположение текстов подсказало мне систему соответствующих заголовков, отличных от авторских. Однако во всех случаях я привожу и авторские названия целостных произведений и их частей.

Из сказанного видно, что я не ограничился в этой книге представлением воспоминаний и свидетельств, так сказать, «в чистом виде», но включил, помимо них, и несколько отрывков из художественных произведений. Это уже упомянутые свидетельства Алексея Ремизова о «взвихренном» революцией Петрограде, претворенные им в гениальную художественную прозу («Взвихренная Русь»). Это также «Россия кровью умытая» Артема Веселого и беллетризованные биографии – Котовского, написанная Романом Гулем, и Пилсудского, написанная Марком Алдановым. Очень советую моим читателям не ограничиваться помещенными в этой книге фрагментами, а прочитать их произведения полностью.

В заключение хотел бы сказать следующее. Эта книга имеет для меня еще и личный характер. Дело в том, что рассказами о *той* эпохе я был слышан с раннего детства. Я родился в Ростове-на-Дону, центре Белого движения, через несколько лет после ухода Добровольческой армии с Дона, и вся жизнь моих родителей и ближайших родственников была напрямую связана с событиями, которым посвящена эта книга. Мамин брат и ее дядя служили у Деникина и были расстреляны большевиками. Отец, тогда студент-медик, стал свидетелем захвата Екатеринослава махновцами и, согласившись на уговоры, какое-то время был лекарем в одном из махновских отрядов...

Множество предметов, связанных с той эпохой, окружали меня в детстве – от выброшенных банкнот «Банка Юга России» с портретом Деникина, которыми мы играли мальчишками, до нот «Прощание славянки» с изображением офицеров в погонах на пианино у матери, на которые почему-то ни разу не обратили внимания красноармейцы, неоднократно проводившие у нас обыски...

Всё это заставило меня уже в сознательном возрасте с особым интересом относиться ко всему, что воскрешало в памяти атмосферу тех дней.

Вот почему мне хотелось бы, чтобы эта книга смогла передать ощущение лихолетья двух войн и двух революций 1914–1920 годов и познакомить читателя с наименее освещенными сторонами жизни известных персонажей и малоизвестными деталями известных событий той эпохи.

Леонид Аринштейн

Часть 1. Бандитизм как форма элитарного существования

Махно. Из воспоминаний Н. В. Герасименко

Особенности гражданской войны заставили меня пробыть у Махно довольно продолжительное время, что дало мне возможность наблюдать не только самого Махно и его приближенных, но и основательно окунуться в самую глубину крестьянского движения, возглавляемого Махно. С этими наблюдениями я и считаю своей задачей познакомить читателя.

Махно до революции 1917 года

Нестор Иванович Махно родился в 1884 году в селе Гуляй Поле Екатеринославской губернии, в семье малоземельного и бедного крестьянина, который занимался скупкой рогатого скота и свиней по заказам мариупольских мясников.

До одиннадцати лет молодой Махно, посещавший школу, помогал отцу в разделке свиных туш, а затем мальчика определили в один из галантерейных магазинов гор. Мариуполя.

С первых же дней службы в магазине для всех было ясно, что приказчика из Махно не получится.

– Это был, – как рассказывал впоследствии старик-приказчик, у которого Махно был подручным, – настоящий хорек; молчаливый, замкнутый, сумрачно смотрящий на всех недобрый взглядом необыкновенно блестящих глаз. Он одинаково злобно относился как к служащим, так и к хозяину и покупателям. За три месяца я обломал на его голове и спине совершенно безо всякой пользы до сорока деревянных аршинов: наша наука ему не давалась.

От мальчика требовали покорности, почтительности и выполнения мелких услуг, но будущий крестьянский вождь, презирая старших, вместо скучного дела за прилавком, предпочитал ловлю бычков в море или шатанье с шумной ватагой праздных уличных мальчишек по порту или окрестностям города.

На побои, которыми щедро награждали его со всех сторон, мальчик отвечал мезью: он ловко и незаметно отрезал пуговицы с костюмов приказчиков, подливал касторовое масло в чайник с чаем, а своего учителя-приказчика однажды после порки сгоряча облил кипятком так, что старика в обморочном состоянии отвезли в больницу. Но этим не кончилось. Когда жена хозяина магазина сделала попытку выдрать мальчика за уши, он до крови искусал ее руки и, боясь наказания, сбежал из магазина, скрываясь неизвестно где.

Хозяин вызвал из села отца. Мальчика разыскали, выпороли и устроили в типографию для обучения делу наборщика. Типографское дело пришлось Махно по вкусу: он с интересом присматривается к работе наборщиков, расспрашивает их. Учитясь разбирать шрифт, проявляет бойкость, сметливость. В типографии его начинают ценить, поощрять – и это вернее всяких побоев достигает цели: Махно с утра до вечера просиживает в типографии – он уже умеет держать в руках верстатку, его рука быстро и ловко бежит по клеточкам кассы.

Порт и ловля бычков забыты, забыты и детские шалости с ватагой уличных мальчуганов. Махно не узнает. Он берется за книги, тетради, появляется жажда знания: Махно работает над самообразованием, упорно, настойчиво, проявляя несомненные способности.

На мальчика обращает внимание работавший в той же типографии анархист Волин, который заинтересовывается занятиями Махно и помогает ему пройти дома курс городского училища.

После ареста Волина занятием Махно руководит эсер Михайлов. По его совету Махно сдает экзамен на звание сельского учителя и в 1903 году получает место учителя в одном из сел Мариупольского уезда.

С первых же шагов своей учительской деятельности Махно принялся за проповедь среди крестьян анархического учения. На этой почве у него начались неприятности с полицией и начальством. В результате Махно лишают места учителя и высылают в Гуляй Поле под надзор полиции.

В родном селе Махно сразу приобретает популярность и неограниченное влияние на крестьянскую молодежь... Сверстники Махно помнили его по школе, по играм и шалостям, и вдруг этот маленький Нестор, которого они часто били, возвращается домой с дипломом учителя, «героем», пострадавшим за убеждения, «борцом» за народ и правду. В результате он настолько подчиняет своему влиянию крестьянскую молодежь, что фактически становится хозяином села: его распоряжений никто не смел ослушаться.

– Я приказал, и надо исполнить, – властно распоряжался Махно, сверкая блестящими глазами.

И его приказы исполнялись. Махно и его товарищи занимались тем, что совершали налеты на погреба и сараи зажиточных крестьян и помещиков и по ночам устраивали бесшабашные кутежи, о которых потом говорила вся деревня.

Слава о подвигах Махно и его молодцев разносится далеко за пределы Гуляй Поля. Помещики побаиваются Махно, полиция бессильна с ним бороться. Впрочем с полицией Махно умел ладить, и в этом сказывается его двойственный, коварный характер. Проповедуя анархические идеи, Махно в то же время ведет самую тесную дружбу с урядниками и даже приставом, устраивая с ними невероятные попойки. И эти попойки всегда устраивались после ограбления чужого погреба или после того, как он возьмет откуп с крестьянина, устраивавшего свадьбу. Откуп брался под угрозой разгрома свадебного кортежа. Когда товарищи укоряли Махно за его дружбу с полицией, Махно только загадочно улыбался.

– Не вам, дуракам, давать мне отчет, – резко говорил он им, обрывая разговоры на эту тему.

К Махно потянулась молодежь с окрестных сел, Махно стали подражать. Крестьянская молодежь отбивалась от дела, пьянствовала и озорничала. Кто знает, может быть, уже тогда зародилась та «махновщина», которая в дни революции запылала зловещим огнем по всей Новороссии?

Дружба с полицией дала свои результаты. В 1905 году Махно получил политическую благонадежность, ему разрешили учительствовать и дали школу в с. Петровском, Бердянского уезда.

Однако и на этот раз Махно недолго пробыл учителем. Подошли октябрьские дни, зазвучали речи о свободе, страна всколыхнулась – и Махно с головою окунулся в революционную стихию.

В начале 1906 года он организовал смелое нападение на бердянское уездное казначейство. Во время налета Махно совершил тройное убийство, захватил кассу и скрылся. Один из соучастников выдал Махно, и его арестовали. До суда Махно содержался в Бердянской уездной тюрьме, но за попытки к побегам его перевели в херсонскую губернскую тюрьму, где за ним строго следили. В 1907 году Таврическим окружным судом Махно был приговорен «за разбой и убийство» к бессрочным каторжным работам и переведен для отбывания наказания сначала в Орловский централ, а затем в Акатуй и Зарентуй.

По рассказам одного из «атаманов», Чалого, бывшего «потемкинца», отбывавшего вместе с Махно наказание в Акатуе, Махно не сразу сумел приспособиться к тюремному режиму, многократно делал попытки к побегу, поражая администрацию тюрьмы своей изобретательностью. За попытки к побегу Махно наказывали карцером и плетьюми. Но Махно

не расставался с мыслями о свободе. Его последняя попытка к побегу была совершена во время групповых работ. Махно удалось скрыться. Но произведенной облавой он был найден спрятавшимся в сарае с дровами и долго не сдавался, отбиваясь топором. За этот побег он понес особенно тяжелое наказание.

С этого момента Махно становится неузнаваем: он стал болеть, хиреть, пассивно относиться ко всему окружающему и не принимает участия в обычных для бессрочных каторжан протестах. Часами, как маньяк, Махно возится где-нибудь в темном углу со своими тяжелыми ножными и ручными кандалами, точно пытаясь снять их и изломать.

Каторжане относились к Махно с несвойственной им предупредительностью. Их пугало необычайное выражение его глаз, в которых отражалась безмерная, бешеная злоба ко всему и ко всем.

В 1917 году, по общей амнистии Временного Правительства, Махно был освобожден и осенью 1917 года приехал в село Гуляй Поле, где вскоре приобрел трагическую известность под именем «батько Махно».

Первая встреча с махновцами

В июне 1918 года мне нужно было срочно выехать по делам из Симферополя в Киев... В вагоне тесно, душно. Пассажиры озабочены, говорят почему-то шепотом, вздыхают, пугливо выглядывая в окна, словно чего-то ожидая. Разговаривают исключительно о Махно и о страшных бандах, которые останавливают поезда, грабят и убивают.

Днем благополучно прошли Александровск, вечером далеко оставили Синельниково. Ничего страшного не случилось. Пассажиры успокоились, забывая рассказы о бандах Махно, шутили и уже стали сдвигать чемоданы, корзины, узлы, устраиваясь на ночлег. В это время вагон неожиданно качнуло, ход поезда замедлился, закрипели колеса. Пассажиры испуганно переглянулись. Гремя буферами, поезд остановился.

Не успели мы сообразить в чем дело, как сухо затрещали винтовочные выстрелы.

– Грабят... Махно...

Все притихли, тревожно насторожились. Под окнами суета, беготня, крики...

Из вагона в вагон неслась грубая команда:

– Забирай вещи, выходи в поле, а кто не выйдет – расстреляем...

От кого исходил приказ, почему надо выходить из вагона – никто не знал, но послушаться приказа никто не посмел.

Моросил мелкий дождь. Луна пряталась за быстро бегущими облаками и слабо освещала призрачным светом притаившуюся степь и каких-то людей на конях. Конные лихо скакали вдоль железнодорожной насыпи, стреляли в воздух, наводя этим панику на испуганных пассажиров.

– Махновцы... – сказал кто-то шепотом.

Вскоре появились и пешие махновцы. Мы стояли небольшими группами возле своих вагонов, свалив багаж на мокрую землю.

У товарных вагонов слышался шум, крики и брань – это махновцы перегружали товары из вагонов на подводы. Когда перегрузка окончилась, нам приказали куда-то идти. Прошли около трех верст, показались подводы, нас остановили.

Солидного вида мужчина в высокой бараньей шапке, окруженный толпой вооруженных людей, объявил нам, что бояться нечего, что мы временно задержаны «Запорожским полком Петриченко из армии Батьки Махно» и что расстреливать будут только офицеров, полицейских и, может быть, спекулянтов.

На наши уверения, что ни офицеров, ни полицейских, ни спекулянтов среди нас нет, – «баранья шапка» равнодушно ответила, что «там видно будет, а пока – предъявите документы».

Однако проверялись не документы, а бумажники и кошельки, которые тщательно складывались в мешки вместе с часами, портсигарами, кольцами, серьгами и другими драгоценными вещами. Багаж нам приказали сложить на подводы, которые двинулись куда-то без нас.

После проверки «документов» нам приказали идти по дороге через лес в с. Ключевку и явиться в штаб Махно.

Делать нечего – пришлось идти. По дороге мы заметили, что нас никто не конвоирует. На ходу мы стали обсуждать создавшееся положение. Одни говорили, что мы свободны и нам следует идти до станции, а другие считали за лучшее, во избежание недоразумений, идти в Ключевку, где можно будет поесть и отдохнуть. Произошел раскол: большая группа пассажиров повернула назад, а меньшая взяла направление на лес, который зеленой полосой вырисовывался на туманном горизонте.

Идти приходилось по грязи. Вскоре мы заметили, что из леса выскочила группа всадников и быстро помчалась к нам навстречу, словно бросилась в атаку. Мы испуганно свернули с дороги; всадники открыли по нам стрельбу; мы рассыпались в стороны и залегли в грязь, проклиная судьбу.

Через несколько минут нас окружили махновцы.

– Кто вы? Откуда? – расспрашивали они, подозрительно рассматривая нас.

Кто-то нашелся объяснить, что мы артисты, идем в гости к батьке Махно.

– Так чего-ж вы раньше цього не казали, мы-ж думалы, що вы буржуи, або военные.

Махновцы добродушно посмеивались над нами и посоветовали нам идти поскорее во избежание встречи со вторым конным отрядом...

Последствием этой «атаки» у нас оказалось человек двадцать раненых и помятых лошадей.

В полдень мы стали подходить к селу.

То, что мы увидели в селе, нас несказанно поразило. Нам казалось, что мы присутствуем при нелепом маскараде. Возле опрятных хат толпились люди. Воистину это была современная запорожская сечь, и нужна была мощная репинская кисть, чтобы изобразить на полотне эти ярко-красочные, нелепые, дикие фигуры. Большинство из махновцев было одето в вязанные и сетчатые, белые и цветные фуфайки, на ногах болтались необычайной ширины шаровары с красными поясами вокруг талии, концы которых спускались почти до земли. Вооружены все были «до зубов». Помимо пашек и револьверов, у многих за поясами торчали ручные гранаты, а пулеметные ленты, очевидно как щегольство, висели по поясам или висели через плечо. Как бы дополняя полноту картины, тут же у стен валялись винтовки и кое-где понуро торчали пулеметы.

При нашем появлении махновцы пестрою толпой высыпали на улицу, гогоча и отпуская по нашему адресу грубые шутки и циничные остроты. Среди махновцев можно было видеть крестьян и крестьянок. Окруженные галдящей толпой, мы подошли к небольшому домику возле волостного правления, откуда через несколько минут вышел молодой, рослый матрос в кавалерийских сапогах со шпорами.

Говор несколько стих. Толпа расступилась, и матрос заорал, обращаясь к нам:

– Что, что за сволочь приплелась?

Мы объяснили ему, что мы артисты. Матрос окинул нас быстрым взглядом и расхохотался. И действительно, мы представляли забавное зрелище. Разговорились, стали объяснять матросу наше скверное положение.

– Бывает и хуже, – загадочно бросил матрос.

Но толпа была настроена не так миролюбиво, как нам сначала показалось. Из толпы послышались крики, что в таком виде сам черт не разберет, действительно ли мы актеры.

– Нехай краше нам приставляють, а то може вони брешуть...

Матрос, хотя и продолжал посмеиваться, но, видимо, присоединился к мнению толпы. Напрасны были наши доводы, что нам нужно привести себя в порядок, поесть, отдохнуть. Пришлось «приставлять». Выручил один из спутников, который очень удачно рассказал несколько комических рассказов... Это выступление вызвало взрывы хохота.

Кто-то спел романс «Отойди, не гляди». Одна почтенная с виду дама пропела дрожащим голосом арию из «Онегина». Слушатели становились требовательнее, указывая на то, что нас много, а поет мало. Я уверенно затянул «Из-за острова», кто-то энергично взмахнул рукой, и хор грянул. Пели мы до хрипоты, махновцы остались довольны, уверовав в наши таланты.

Нам отвели три клуни. Мы кое-как почистились, помылись, под вечер поели и начали подшучивать над превратностями судьбы...

Когда стемнело, стали укладываться на ночлег. Слышались крикливые звуки кларнетов и гармоний, взрывы смеха, крик, женский визг, топот пляшущих ног. Ко мне подошел и сел на землю пожилой крестьянин – хозяин двора, где мы расположились.

– Ох, чоловіче, – вздохнул в раздумье крестьянин, – не доведе гульня до добра. Чуєте, що вони виробляють и оттак що дня. И куды вони стільки пьють о цей самогон? Да що там пьють, а з жинками що роблють, так и не приведе Бог...

– Отчего же молодым не погулять...

– Добра гульня, прости Господи, и в день и в ночи покою нема, прямо хоть от ридной хаты отцурайся.

– Что же они, из вашего села?

– Да ни, що вы, Бог з вами. Кажуть, що вони запорожци, а там бис их знае, хто вони.

– Так зачем же вы их пустили в село?

– Э, знаете, все ж таки вони за нас стоять, да и нас не обижают, даром ничего не берут. Да що казать, тут що робылось, пока вони не пришли. И пану дай, нимцу дай, мильции теж, а там пристава, старосты, и де их тилько набралось? А сколько перевишались, та перепоролы – выходило так, що перед каждым знымай штаны. Теперь мы хоть трохи отдохнули, да кое що и повернули назад, а то думалы що страшный суд и бильпе нычого. А цей, знаете, Махно, спасыби ему, що помыщыкив выризав, да панив, да мильции и австрийцив набыв стільки, що за четыры дни насылу закопалы. Ни, вин луже нас защыща, тилько у його хлопцив богацько таких, що не доберешь вид кого вони уродылысь...

Крестьянин вздохнул, перекрестился, пожелал мне доброй ночи и направился к себе.

На улице как-то сразу смолкла музыка и крики; во дворах заметна была суматоха. По улице проскакали всадники. Крестьянин выбежал из хаты узнать, что случилось. Скоро вдали послышалась глухая артиллерийская стрельба. Махновцы тревожно бегали из двора в двор, крича запрягали лошадей. На всякий случай, мы по одиночке стали пробираться в поле. Вскоре в селе стало необычайно тихо. Артиллерийская стрельба слышалась все яснее. Во двор вернулся наш хозяин. Я спросил, что случилось.

– Да кажуть з нимцами бьются.

Утром в селе появились разезды немецкой кавалерии, а в полдень мы были во власти германского отряда. Нас отправили на железнодорожную станцию. С большим трудом добрался я до Киева без вещей и денег. Повидать Махно в этот раз мне не удалось. Как потом я узнал, Махно в то время был занят игрой в карты с австрийскими офицерами, взятыми в плен, которых, после прерванной игры, Махно приказал расстрелять.

Махно-партизан

Начало и развитие деятельности Махно на Юге России нужно отнести к марту 1918 года, что совпало с окончательным развалом румынского фронта, уходом из Крыма в Новороссийск Черноморского флота и последними днями существования Украинской Центральной Рады. В это время Махно располагал небольшой шайкой, составленной из преступников и севастопольских матросов. Со своей шайкой Махно совершал дерзкие, но в общем обычные для того времени грабежи, кочуя из одного уезда в другой. По дороге к нему приставали недовольные и обиженные гетманским режимом и матросы черноморского флота, которые по одиночке просачивались через немецкие кордоны из Крыма. Отряд численно разрастался, и Махно от случайных грабежей перешел к налетам на имения помещиков, на небольшие города и железнодорожные станции. Налеты сопровождалось зверскими убийствами. Махновцы начали сводить личные счеты с теми, кто так или иначе обидел их, или на кого они были злы...

В июне к Махно прибыли из Киева анархисты группы «набат» во главе с анархистом Бароном. В том же месяце к шайке примкнуло много анархистов других толков и социалистов из разных городов Юга России. С этого времени деятельность шайки Махно получает иное направление. Махно мечтает о создании Запорожской Сечи, он лихорадочно набрасывает перед слушателями грандиозные планы создания крестьянской республики; анархисты пытаются придать махновскому движению идейный характер.

Обстоятельства благоприятствовали Махно. Крым и Украина были оккупированы иноземными войсками, которых крестьянское население ненавидело. Полицейские и гражданские власти гетмана (П. Скоропадского) наводили порядок в селах: в села заходили карательные отряды, «для наведения порядка», причем производили аресты, а иногда и расстрелы крестьян. Кроме того, из городов возвращались помещики, которые, опираясь на вооруженную силу, жестоко расправлялись с крестьянами, мстя им за те убытки, которые они понесли в своих разоренных поместьях. Крестьяне все больше и больше ожесточались и искали защиты у разных атаманов, как это было в Киевской, Полтавской и Черниговской губерниях, на Юге же все симпатии были направлены к смелому и решительному Махно.

К этому следует добавить, что в июне месяце военным министром гетмана, генералом Рагоза, был издан приказ, по которому из украинской армии увольнялись все офицеры военного времени, с предоставлением им сомнительного права доучиваться на положении юнкеров в военных училищах. Это распоряжение не только понизило количественно армию гетмана, но и создало врагов армии, чем, как известно, не преминул воспользоваться Петлюра, который и вербовал в свою армию этих офицеров.

Из этой среды вышли наиболее активные атаманы: Зеленый, Струк, Соколовский, Григорьев и другие. Из них к Махно присоединился прапорщик Петриченко и много других, не менее выдающихся махновцев.

С каждым днем шайка Махно усиливалась все новыми и новыми кадрами, переформировывалась и получала правильную организацию. В шайке была пехота, кавалерия, пулеметы и даже артиллерия. Из этих кадров потом и развернулась махновская армия.

Однако под давлением регулярных немецких отрядов Махно был вынужден отходить от крупных городов, к которым постепенно подбирался, и опираться исключительно на села, вербуя в свои ряды крестьян. Партизанскую войну на Юге России Махно начал с того, что стал нападать на карательные отряды, грабить поезда, захватывать железнодорожные станции, уничтожая небольшие гарнизоны немцев и полицейских властей гетмана. Смелые и неожиданные нападения Махно всегда сопровождалось неизменными успехами. Его имя стало именем крестьянского героя.

«Идем к Махно», – сделалось лозунгом крестьянских масс.

В дальнейшем, поощренный успехом, Махно перешел почти к открытой войне с немцами и австрийцами. Австрийцы были так терроризированы махновцами, что боялись показываться дальше Екатеринослава и стали отзываться из сел и небольших городов свои отряды, но немцы взглянули на это иначе.

Дерзкие нападения Махно выводили из себя высшее немецкое командование в Киеве и, по его приказу, для полного уничтожения отрядов Махно, в Новороссии начали сосредотачивать крупные воинские силы.

Под давлением немецких отрядов Махно отступил и в Александровском районе попал в кольцо. Однако немцы и на этот раз остались верными своей тактике: они слишком много времени потратили на артиллерийскую подготовку общей атаки. Махно, испытав действие сосредоточенного артиллерийского огня и понеся большие потери, сумел все же найти выход из кольца охвативших его немецких войск и с небольшим, уцелевшим отрядом ушел, сделав в одну ночь переход более чем в 60 верст.

В особом приказе немцы торжественно объявляли: «бандит Махно уничтожен», но уже на пятый день Махно вырезал захваченный им врасплох отряд австрийцев возле станции Константиноград и заставил всех офицеров, взятых в плен, в том числе и начальника отряда, играть с ним в карты в течение двух суток, после чего офицеров расстрелял, якобы за то, что они осмелились его «обыграть».

В октябре начался отход с Украины сперва совершенно разложившихся после революции австрийцев, а затем и немцев. Отход принес Махно ряд побед над теми и другими, а, главное, дал в его руки огромное количество вооружения и всевозможного технического снаряжения.

Трудно сказать, во что обошлось немцам и австрийцам знакомство с Махно. По официальным данным гетманских властей, за апрель – июнь месяцы Махно совершил 118 налетов и грабежей, сопровождавшихся человеческими жертвами.

Но все эти налеты, грабежи и нападения на эшелоны уходивших домой немцев и австрийцев кажутся незначительными по сравнению с первым захватом гор. Екатеринослава в декабре 1918 года.

С этого дня имя Махно приобрело всероссийскую известность. Он «с боя» взял город, выпустив по нему до двух тысяч снарядов из шестидюймовых, отнятых у немцев, орудий. Петлюровцы, только что занявшие Екатеринослав, разбежались в паническом страхе, и население оказалось во власти махновцев.

Это был такой разгром цветущего города с пятидневным грабежом, которого до того еще не видел ко всему, казалось, привыкший Юг России, даже в дни нашествия красного Муравьева.

Трудно подвести итоги всему тому, что сделал Махно за девять месяцев, но несомненно то, что немцы и австрийцы заставили Махно изучить все оттенки партизанской войны, изучить в совершенстве самые глухие места днепровских плавней, таких своеобразных в Таврической и Екатеринославской губернии, все леса и перелески. Недаром знаменитый Черный Бор, лес Гаркуши – назван теперь «Гаем Батьки Махно».

Попустительство Гетманского Правительства помещикам и крутые меры последних вынудили Махно выступить на защиту крестьян. И если бы не эта недалевидная политика, может быть не было бы и махновщины. Она так тесно связала Махно с крестьянами, что все испытания последующих четырех лет не смогли нарушить и порвать эту связь.

Борьба с немецкими отрядами и властями гетмана закалила отряды Махно, приучила их делать смелые нападения, производить разведку, находить и использовать слабые стороны своих противников, наносить им быстрые и короткие удары, а затем так же быстро скрываться, как и нападать.

Но самое главное – борьба эта создала в крестьянской массе легенду о «неумирающем запорожце Батьке Махно», который борется за крестьянскую свободу и крестьянскую правду.

Этим заканчивается партизанский период жизни Махно. В дальнейшем он начинает играть крупную роль в ходе гражданской войны на Юге России.

«Батько Махно»

Кто хоть раз видел батьку Махно, тот запомнит его на всю жизнь.

Небольшого роста, с землисто-желтым, начисто выбритым лицом, с впалыми щеками, с черными волосами, падающими длинными прядями на плечи, в суконной, черной пиджачной паре, барашковой шапке и высоких сапогах – Махно напоминает переодетого монастырского служку, добровольно заморившего себя постом.

По первому впечатлению, – это больной туберкулезом человек, но никак не грозный и жестокий атаман, вокруг имени которого сплелись кровавые легенды.

И только небольшие, темно-карие глаза, с необыкновенным по упорству и остроте взглядом, не меняющие выражения ни при редкой улыбке, ни при отдаче самых жесточайших приказаний, глаза как бы всезнающие и раз навсегда покончившие со всеми сомнениями – вызывают безотчетное содрогание у каждого, кому приходилось с ним встречаться, и придают совсем иной характер его внешности и тщедушной фигуре, в действительности крайне выносливой и стойкой. Махно – человек воли, импульса, страстей, которые бешено кипят в нем и которые он старается сдерживать железным усилием под холодной и жестокой маской...

Махно не оратор, хотя и любит выступать на митингах, которые по его приказу устраиваются на площадях и в театрах захваченных и разоренных им городов. В речах Махно нет даже демагогии, казалось бы, столь необходимой в его положении. Мне приходилось часто наблюдать Махно во время митингов, и я видел, как чутко слушает его буйная и хмельная толпа, как запоминается каждая его фраза, подкрепленная энергичным жестом, как влияет, словно гипнотизирует Махно крикливую, никому не желающую подчиняться и ничего святого не признающую толпу...

Вот Махно на площади. Он окружен своей всегдашней свитой. Здесь и теоретики анархизма – Волин, Артен и Барон, и красавец Лященко, в матросской шапке и высоких шнурованных ботинках со шпорами, и Гуро, тонкий как шест, и горилообразный палач Кийко, и массивный Петриченко с круглым, как луна, рыхлым лицом – много других...

Махно говорит резко, нескладно, то понижая, то повышая голос, повторяя за каждой фразой, состоящей из 5–10 слов, свою постоянную, полную гнева фразу: «и только», он говорит о неизбежности гибели городов, о том, что города не нужны в жизни свободных людей, о необходимости горожанам, не исключая рабочих, к которым Махно вообще относится холодно, сейчас же, немедленно, бросать города и идти в села, степи, леса и там строить новую, свободную, крестьянскую жизнь...

После Махно почти всегда выступает Волин. Убедительность доводов, которым оперирует старый теоретик анархизма, искусное построение речи, рассчитанное на понимание аудитории и умение угадать тайные желания этой толпы, необычайный пафос, равный по силе, может быть, только одному Троцкому – все это все же проходит куда-то мимо толпы, замороженной нескладной речью батьки Махно.

И Махно это знает, чувствует, понимает. Он стоит у всех на виду спокойный и самоуверенный и лишь одними глазами, с неизменным, до боли колючим взглядом, лениво скользит по толпе. Чуть заметная улыбка, вернее складка на губах Махно, выражает не то удовольствие, не то презрение, а, может быть, и то и другое вместе.

Не спеша Махно поворачивается, чтобы уйти или сесть на тачанку (он, обыкновенно, недослушивает речей Волина до конца), и сгибаются могучие фигуры Кийко и Петриченко, только что демонстрировавших револьвер, из которого был убит подлинный контрреволюционер Григорьев, а толпа, как один, тянется к Махно, давя друг друга, и безумно, в иступлении ревет со слезами на глазах:

– Батько, наш Батько!..

Уже давно не видно тачанки, не видно, куда свернули лошади, умчавшие Махно, а толпа все еще продолжает орать:

– Батько, наш Батько!..

Много и долго говорят потом Волин, Артен и Барон; говорят все о том же, что власть зло, что анархия мать порядка, что все люди равны и т. д., но постепенно толпа начинает забывать о Махно, махновцы снова хвастливо заявляют, что не только Махно, которого они завтра могут убить, но и весь мир им нипочем и, слыша это, Волин, а за ним и другие ораторы, незаметно исчезают, боясь, что дикая и безбожная толпа расправится с ними, как с «кадетами» или большевиками...

После митинга махновцы, распаленные речами безответственных ораторов, наводят ужас на мирное население тем, что стреляют из винтовок и пулеметов неизвестно куда и зачем. Во время стрельбы они выпускают в невероятном количестве патроны, а еще больше поглощают самогон и вино из разграбленных складов...

Махно властен и непоколебим. Десятилетняя каторга ожесточила его, лишила способности разбираться в добре и зле. Махно испытывает бешеную, безграничную радость при виде гибели в огне цветущих городов; его глаза горят восторгом от взрывов тяжелых снарядов на улицах города. В Махно – жестокая потребность наблюдать мучительную смерть, часто совершенно невинных людей.

Я вспоминаю трудно передаваемую кошмарную картину. Но в ней – весь Махно...

Перед Махно стоит оборванная группа стражников, с текущей по лицам кровью. Запуганные и избитые стражники дрожат мелкой дрожью и пугливо озираются, боясь встретиться с острым взглядом Махно, который, хищно изогнувшись, в упор смотрит на них горящим, безумным взглядом.

Долгая пауза...

Махно быстро выдергивает руку из кармана брюк и почти кричит:

– Порубить их – и только...

Не успел еще смолкнуть резкий голос батьки, как палач Кийко взмахнул острой шашкой и стал неумело рубить несчастных, нанося им удары по несколько раз, словно срубая кочаны капусты. Забрызганный кровью Кийко устал, вспотел, едва переводит дух. Его сменяет более ловкий, смеющийся Лященко, которому помогают любители из махновского конвоя.

Махно, с блуждающей рассеянной улыбкой, спокойно наблюдает, как «работают» его молодцы, и больше ничего нельзя прочесть в его остром взгляде.

Но вот вместо испуганных, но живых людей – куча кровавых изуродованных тел. То там, то здесь валяются отрубленные головы и руки с судорожно скрюченными пальцами. Махно порывисто срывается с места, собачьей рысью подбегает к этой куче тел, носком сапога отбрасывает попавшуюся по дороге голову, вскакивает на грудь, на живот убитых, топчется, пачкая сапоги в крови, и затем почти спокойно говорит:

– И только...

Еще раз торжествуя, гневно и злобно, точно спрашивая кого-то, кричит он свое «и только», подбегает к другой группе изрубленных тел, топчет их, повторяя все сначала.

Все человеческие чувства давно заглохли в Махно. Его не тронут ни слезы женщин, а к ним он падок, ни плач детей, ни клятвы мужчин.

Впрочем, бывают и исключения, но они допускаются чаще всего для актеров, реже для приказчиков и еще реже для людей, умеющих каким-либо отчаянным поступком поразить Махно.

Однажды стражник, в тот момент, когда Кийко замахнулся на него шашкой, как-то ловко ударил палача ногой в живот так, что Кийко долгое время находился в глубоком обмороке. Махно был так поражен смелым поступком стражника, что милостиво даровал ему жизнь и даже отпустил домой, после того, как стражник отказался у него служить. Но таких счастливых случаев бывало мало. Обыкновенно те, которые попадали в плен к Махно – живыми не возвращались.

Трудно найти даже в среде повстанческих атаманов равного Махно по жестокости. Ко всему этому следует добавить неизмеримое болезненное тщеславие, которым несомненно болеет Махно. Он не выносит никакой конкуренции, ни даже намека на нее.

Никто не смеет, не может быть грознее, что значит и жесточе, чем он – «Батько Махно».

Женитьба Махно

1918 год принес батьке Махно не только кровавую славу, но и жгучую любовь странной девушки.

Душа женщины – загадка, ее сердце – тайна. И потому не будем решать, как могла красивая, интеллигентная девушка, из богатой семьи, курсистка, прекрасная музыкантша и очаровательная собеседница отдать невзрачному на вид бандиту Махно свою первую любовь, молодость и красоту, а лучше расскажем, как произошла роковая для Махно встреча с его будущей женой, как стихийно вспыхнула в их сердцах нечеловеческая любовь и как праздновал Махно свою свадьбу.

Еще дымились остатки разбитых тяжелыми снарядами домов, еще шел грабеж богатого города, пьяные махновцы жадно сваливали на подводы все, что выносили из домов, еще влачила по опустошенным улицам свою черную мантилью смерть, а у всех жителей было одно желание, одно стремление, один порыв: бежать из города...

Но не так легко было уйти из города смерти и грабежа. Для этого необходимо было получить пропуск «коменданта» города, которым был назначен палач Кийко. Возле дверей дома, где помещалась его канцелярия, в громадной толпе стояла девушка, которая невольно обращала на себя внимание и вызывала сочувствие всех, кто стоял в очереди. У нее было прелестное, матово-розовое с правильными, тонкими чертами лицо, ласковые темно-серые красивые глаза с длинными ресницами, стройная и изящная фигура. Слабая улыбка освещала ее лицо и делала его детски милым.

С ней часто заговаривал то один, то другой из ее случайных соседей, и она охотно, с милой улыбкой поддерживала разговор. Из ее ответов можно понять, что она едет из Киева, где стало невозможно продолжать учиться в высшем учебном заведении и по дороге случайно задержалась в Екатеринославе, а теперь торопится домой, чтобы повидать родных.

Томительно и скучно проходят часы стояния в очереди; уже стемнело, а толпа все еще стоит на улице, не подвигаясь к заветной двери. Проходивший мимо молодой махновец, как и все, невольно залюбовался красивым лицом девушки и после недолгого раздумия подошел к ней, предложив провести к коменданту. Девушка, слегка смутившись, пошла за ним – и вот она перед Кийко, которому объяснила, что хочет ехать домой к родным.

– Мне нужен пропуск.

Кийко развязно и бесцеремонно рассматривает ее и говорит с улыбкой на угрюмом лице:

– Выдача пропусков на сегодня закончена.

В это время в комнату Кийко вошел Махно, который, не снимая высокой шапки, уставился на девушку острым недобрый взглядом. Девушка невольно, словно испугавшись, подалась назад, а Махно вдруг резко выкрикнул:

– Вы ночуете у меня – и только...

Затем повернулся и ушел, не выслушав ответа девушки.

Вскоре за девушкой пришел некий Козельский, интимнейший друг Махно, и увел девушку к своему другу.

– Вы не бойтесь... он вам ничего не сделает, – ободрял ее Козельский.

Эта ночь была для Махно роковой. Вначале все шло хорошо. Девушка охотно ела, пила чай, отвечала на вопросы Махно и сама их задавала, а когда Махно, в порыве откровенности, показал ей рубцы от кандалов на своих руках, она порывисто, почти рыдая, потянулась к Махно и долго рассматривала и гладила грубые рубцы своими маленькими руками, а Махно, растроганный нежной лаской, тихо рассказывал ей о своей жизни на ненавистой каторге.

Они так близко сидели друг возле друга, что, когда наступила пауза, девушка смущенно отодвинулась от него и попросила указать ей место для ночлега.

Махно моментально изменился: на миг мелькнуло в нем что-то человеческое, но снова он оказался во власти своих звериных страстей: он грубо бросился к девушке и обнял ее, но девушка была не из робких.

– Оставьте меня, – закричала она, – пустите...

Но Махно все крепче обнимал ее и тянулся к ее губам.

Девушка с силой ударила его по лицу...

Махно, взбешенный пощечиной и сопротивлением, отскакивает в сторону; его мозг с лихорадочной быстротой заработал в изобретении для нее самых невероятных мучений.

– Зажарить ее после всего я хотел, и только, – не раз сознавался потом Махно.

Но слезы девушки, стекавшие по красивым пальцам, закрывавшим ее лицо, почему-то так поразили Махно, что он, с непонятной для него нежностью стал мягко отнимать руки от ее лица.

– На плачьте, – говорил он, – Вы любите кого-нибудь?

– Нет...

И она доверчиво рассказала ему, что она чуть было не вышла замуж за офицера летчика, который необычайно смело летал на аэроплане, и, кажется, искренно ее любил, но когда узнал, что она еврейка, взял отпуск и уехал.

– Разве вы еврейка? Я бы этого никогда не сказал. Как вас зовут?

– Соня...

И Махно стал горячо говорить ей об анархизме, о красоте борьбы за идеалы, которые стремишься воплотить в жизнь, о той ответственности, которая падает на таких активных борцов за счастье народа, как он.

Так беседуя, они просидели всю ночь до утра – и эта ночь связала их сердца.

– Пора за работу, – подымаясь сказал Махно и приказал пустить к нему делегацию железнодорожников, которая давно ожидала его в коридоре. После соответствующего приветствия глава делегации, по-видимому, инженер, горячо, толково старался объяснить Махно необходимость некоторых мероприятий для того, чтобы устранить прекращение движения поездов.

Махно небрежно прервал его деловую речь, встал со стула и спокойно заявил:

– Я езжу на тачанках, и мне ваших поездов не нужно – и только...

Озадаченные железнодорожники, испуганно пятясь, отклонялись и вышли. Махно приказал вернуть главу делегации.

– Делайте у себя все что хотите, – сказал он, – а для меня и моего штаба приготовьте через час поезд с двумя паровозами – и только.

Весь день Махно был занят работой. И весь день, не выходя, Соня просидела в его штабе. Невольно она заинтересовалась кипевшей вокруг ее жизнью и ей показалось, что воистину что-то огромное и нужное совершается в этой комнате, этими простыми на вид людьми. С махновцами она сошлась близко, беседуя с ними, как бы со старыми знакомыми...

Махно только вечером, когда собирался уезжать на вокзал, где его давно ожидал поезд, нагруженный награбленным добром, вспомнил о своей знакомой и предложил ей ехать вместе.

Она покорно, словно это так и надо, пошла за ним. Махно усадил ее рядом с собою на тачанке, и вдвоем, без верного Лященко, поехали они на вокзал...

У подъезда вокзала Махно был встречен комендантом станции, который, показывая на стоящих вблизи под стражей восемь человек, доложил, что это пленные петлюровские офицеры.

– Порубить их, и только, – распорядился Махно, вылезая из тачанки. Соня быстро выпрыгнула вслед за ним на землю и горячо, держа за руку Махно, стала просить пощадить пленных офицеров.

– Прогнать... Отпустить их, и только... – бросил Махно конвоирам, подымаясь по ступенькам крыльца вокзала.

Конвой Махно разместился в классных вагонах, для батьки был отведен служебный салон-вагон, попавший сюда с сибирской магистрали, а Соню устроили в небольшом купе.

Когда вечером Махно зашел к девушке, то был поражен тем, как мило и уютно устроилась его спутница в купе. На стене скромно приютились две фотографии и три открытки, а на столе, накрытом белой скатертью, кипел самовар и стояли всевозможные закуски, присланные услужливым Кийко. Соня радушно угощала батьку, смеялась и шутила, довольная отъездом из злополучного Екатеринослава.

И снова, как и вчера, они побеседовали всю ночь на пролет. И когда поутру уставшая Соня попросила его оставить купе, он покорно вышел к себе и долго ворочался на диване, пока не задремал.

Три дня пробыл Махно в Синельниково, занятый военными распоряжениями. Однако он не забывал своей спутницы, часто заглядывая в ее уютное купе, в котором она, видимо, чувствовала себя как дома.

Со скуки Соня завязала знакомства с махновскими приближенными. Вот только что она была в вагоне, где живет Гуро, а сейчас она смеется и о чем-то весело болтает с рослым красавцем Лященко, пряча от холода подбородок в меховой воротник.

Махно из окна вагона любит ее. Но вдруг лицо его темнеет. Что это? Лященко нагибается к ней, как будто хочет заглянуть в ее глаза, а, может быть, он хочет поцеловать ее. Кровь бросается в голову, темнеет в глазах...

Один миг – и Махно на площадке вагона, стремительно сбегает по нескольким ступенькам и, не спуская недобрых глаз с лица Лященко, пытается выхватить кольт. Лященко смущен, как бы пятится назад, пугливо озирается по сторонам. Вдруг раздается выстрел – из кармана брюк Махно показывается дым. Махно, на ходу вынимая из-за пояса брюк револьвер, нечаянно произвел выстрел, но так удачно, что прострелил себе лишь брюки и шубу да ожег ногу возле паха.

Лященко с испугом и недоумением бросился к озадаченному Махно, но получив удар ногой в живот, попятился назад.

На Соню этот выстрел произвел потрясающее впечатление. Сначала она стоит, как окаменелая, не спуская с Махно спрашивающих, тревожных глаз, а потом быстро подбегает к нему, обнимает его и страстно, порывисто, со слезами на глазах целует его.

На выстрел из вагонов повыскакивали махновцы. У самых ступеней вагона стоят Кийко, Гуро и смущенный, ничего не понимающий Лященко. Все они с недоумением и

любопытством смотрят то на Махно, то на Соню. Махно медленно, как бы торжественно, подымается на площадку вагона и объявляет:

– Братва! Я женюсь, вот вам моя законная жена, и только...

В тот же день махновский поезд, нигде не останавливаясь, летел через Чаплино в Гуляй Поле. На другой день после приезда в родное село крестили Соню и ей дали имя Нина Георгиевна. Бывший староста и жена священника стали крестными отцом и матерью Сони. А еще через день Махно справлял свою свадьбу. Это было в воскресенье.

С раннего утра от здания сельской школы, где помещался Махно, до церкви середина улицы была устлана дорогими коврами, еще недавно находившимися в Екатеринославских гостиных и магазинах, а церковный хор, доставленный из Полог экстренным поездом, стоял на паперти в ожидании приезда необычных жениха и невесты.

Это было в высшей степени любопытное зрелище. На тачанках, покрытых дорогими коврами, по ковровой дороге ехали в церковь Махно, его невеста и почетные гости, по той же ковровой дороге возвращались они обратно, а потом ковры разобрали жители Гуляй Поля.

Десять дней все село праздновало свадьбу Махно. Десять дней и десять ночей не было никому проезда по ровным полям, окружающим Гуляй Поле, то махновская артиллерия без устали стреляла боевыми снарядами, возвещая всем о торжестве Батьки Махно. Долго будут помнить эту свадьбу не одни жители Гуляй Поля, ее будут вспоминать и те села, куда залетали тяжелые снаряды ни с чем не считавшихся, обалдевших от пьянства махновских артиллеристов.

Наивысшей точки свадебные торжества достигли, когда Махно в порыве пьяного восторга объявил «Гуляй-Полевскую свободную народную анархическую республику», а себя – ее первым президентом...

Троцкий, бывший в то время в Киеве, узнав об этом, телеграфно заторопил Дыбенко ускорить свой отъезд к четвертой украинской советской армии. Махно тоже был вынужден по телеграмме Троцкого сократить свадебные и республиканские торжества и заняться завоеванием Азовского побережья и Крыма для советской власти.

Махно на советской службе

При нашествии немцев и австрийцев, которые были призваны на Украину Центральной Радой, советский главковерх Антонов, боровшийся с радой во имя советов, вынужден был отступить с остатками своей армии в пределы Курской и Орловской губ., и здесь выждать тех событий, которые тщательно подготавливал Х. Раковский. Под видом заключения мира с гетманом, советский дипломат вел переговоры с атаманами повстанческих отрядов, среди которых были Шинкарь, Григорьев и Махно. Переговоры дали прекрасные результаты: атаманы подчинились Москве и готовы были по первому требованию двинуть свои отряды туда, куда будет приказано, а пока разрушали тыл гетмана. Не сидел сложа руки и Антонов, который прибавил к своей фамилии эффектное Овсеенко, очевидно, для того, чтобы этой фамилией породниться с украинским народом.

В то время штаб Антонова-Овсеенко находился в Орле и помещался в здании кадетского корпуса. Штабом главковерха, который состоял исключительно из кадровых офицеров, был разработан детальный план завоевания Украины; согласно этому плану главнейшая тяжесть в предстоящей борьбе была отнесена за счет повстанцев, с которыми под шумок успел сговориться Раковский.

Нужно отдать должное советскому командованию – оно сумело блестяще выполнить намеченный план и так целесообразно использовало повстанческие силы, что для боевых действий красной армии не оставалось места; красная армия победоносно двигалась по Украине, по услужливо расчищенной атаманами дороге.

Советское командование, заняв в декабре 1918 года, после отхода немцев, Харьков, почти без сопротивления стало продвигать в Киевском направлении повстанческие силы Шинкаря и других, более мелких атаманов, сочувствующих советской власти, в Одесском – Григорьева и в Екатеринославском – Махно.

Расчеты, построенные на точном учете борющихся сил, а главное на настроении крестьянских и рабочих масс, предварительно распропагандированных множеством агентов Раковского, оправдали надежды Москвы: гетмана свергнул Петлюра, Петлюру – повстанческие атаманы и, в результате, за три месяца второй украинской компании советская власть получила в свое распоряжение не только чрезвычайно богатый и обширный край, но и выход к портам Черного и Азовского морей. Кроме того, советские армии получили возможность теснить казаков, а за ними и добровольцев.

Однако блестяще выполнив основную цель своего плана, советское командование допустило ряд второстепенных ошибок, впоследствии оказавшихся роковыми.

Советское командование, создав до начала военных действий «украинскую» армию, численностью не более 25 000 человек, не прошедшую боевого обучения и мало дисциплинированную, как, впрочем, и вообще вся красная армия того периода, не учло расходов этой армии на организацию комендантских команд, штабов и различных частей чисто вспомогательного характера, предназначенных для укрепления тыла, чему советская власть, в противоположность Деникину, Колчаку и Врангелю, придавала и придает первенствующее значение. В результате «украинская» армия, разбитая на ряд мелких отрядов, расплылась по всей Украине, ослабляя боевую мощь советов, и красному командованию пришлось довериться политически неустойчивым и преследовавшим исключительно свои цели повстанческим атаманам. Таким образом, из отрядов Махно была сформирована 45-я стрелковая советская дивизия, а из партизан Григорьева – 44-я дивизия.

В апреле 1919 года состоялось свидание главковерха Антонова-Овсеенко с Махно, обставленное весьма торжественно.

Беседа Махно с Антоновым была продолжительна и закончилась в столовой уже за бутылкой вина. Садясь в автомобиль, Антонов, по-видимому, очень довольный своей встречей с Махно, сообщил спутникам, что Махно еще будет полезен советской власти, а его партизан надо направить не в Крым, а на казаков и добровольцев.

А Махно в это время задумывался над тем, как бы уничтожить своего опасного конкурента Григорьева.

Дыбенко, прибыв в Симферополь в качестве командующего четвертой украинской советской армией, каковым до тех пор считал себя Махно, потребовал, чтобы батька явился к нему. Махно прибыл и вынужден был ожидать командующего армией в комнате революционного военного совета армии: Дыбенко в это время приводил себя в чувство от последствий кокаина большими стаканами коньяка.

Наконец Махно ввели к Дыбенко, который молча протянул несколько оторопевшему батьке, привыкшему к почестям, солидную пачку приказов реввоенсовета республики.

– Для чего это? – осведомился Махно, бегло взглянув на приказы.

– Читать... Вы назначены начальником 45 стрелковой советской красной дивизии, а Григорьев – 44 такой же дивизии.

Махно сначала хотел отказаться, заявив, что он не нуждается ни в каких назначениях, но, услышав о Григорьеве, назначение принял. Дыбенко, любящий позу, сделал величественный жест рукой, милостиво отпуская Махно.

– Я, товарищ, уже послал вам спецов... До свидания.

Возвратившись к себе «в ставку», где-то возле Цареводаровки (он не любил жить в больших домах, напоминающих ему тюрьму) Махно нашел арестованными присланных из штаба армии для формирования дивизии спецов.

– Кто там под арестом? – поинтересовался Махно.

– Да кто их знает; какие-то спецы, – ответил Гуро.

Бывший капитан генерального штаба Васильев представился Махно как начальник штаба дивизии и попросил разрешения представить остальных товарищей по работе.

– Катай, – махнул рукой батька.

Свирепо сдвинув брови, слушал Махно, как Васильев представлял ему начальников оперативного, разведывательного, артиллерийского, инженерного, административного и других отделов и отделений будущего штаба.

После представления Махно поблагодарил всех за желание с ним работать и тут же отправил спецов обратно в сарай под арест, предложив остаться только Васильеву и начальнику артиллерийского отдела. С ними он занялся, главным образом, вопросами о сосредоточении артиллерийского огня по опорным пунктам противника. Знания Васильева и его умение делать необходимые практические указания махновским артиллеристам на последовавшей после доклада практической стрельбе решили участь Васильева: он навсегда остался начальником штаба Махно, причем Махно, зная слабую сторону Васильева, держал его в неизменно полупьяном состоянии, что поручено было Кийко.

Остальные чины штаба, после недельного ареста, были пешком отправлены в Симферополь с приказом больше никогда не возвращаться.

Все должности в штабе были распределены между ближайшими помощниками Махно, причем он сформировал свой штаб не по штату штаба дивизии, а по штату штаба армии, назначив председателем реввоенсовета армии анархиста Волина.

При помощи Васильева, пользуясь его объяснениями, по данным Дыбенко приказам, Махно усидчиво принялся за изучение администрации красной армии – и в этом отношении достиг многого. В то же время Волин энергично заработал по организации штаба, поставив агитационную и разведывательную части на должную высоту.

Махно и Григорьев

Разгром Екатеринослава не прошел бесследно для махновцев: его богатая добыча привела к полной бездеятельности махновскую армию. Правда, махновцы по инерции могли еще занять часть Азовского побережья, где им не оказывалось почти никакого сопротивления, но перешагнуть через Акманайский рубеж, обороняемый ген. Шиллингом – им было не по силам. Махновцы, встречая со стороны добровольцев организованный отпор, после некоторых безуспешных попыток, оставили Шиллинга в покое и занялись ликвидацией Екатеринославской добычи.

Не тем, чем раньше, стал и Махно: он с головой окунулся в радости семейной жизни, мечтал о хуторе и собственном хозяйстве, о том, что пора бросить атаманство и сесть на землю. Об этом он не раз вел беседы со своими приближенными, восхваляя перед ними радости семейной жизни.

Помощники Махно, как и рядовые махновцы, позабыв обо всем, предавались безудержной, бесшабашной жизни.

Без конца лилось вино, гремела музыка. Столица Махновской республики Гуляй Поле, переименованная в честь батьки в «Махноград», переполненная тысячами толпами празднично гуляющего народа, – напоминала крикливую, пеструю ярмарку.

В толпе сновали неизвестно откуда появившиеся темные дельцы, которые скупали за бесценок драгоценности и старались придумать для махновцев все новые и новые удовольствия.

Открывались картежные притоны, где проигрывались колоссальные суммы, рестораны и кафе, парфюмерные магазины и парикмахерские, появились портные «из Варшавы»

и сапожники; махновцы делали маникюр, щеголяли невероятными прическами, над которыми ломали головы доморощенные «Жаны из Парижа», выливали на щегольские френчи флаконы духов.

Деньги и драгоценности пускались по ветру, как пух. Махновцы не знали счет деньгам, и не прошло трех месяцев, как махновцы прогуляли, пропили всю Екатеринославскую добычу. Постепенно предусмотрительные дельцы стали покидать махновскую столицу, закрывая магазины и кафе. Угар проходил. Наступали серые, унылые будни.

К этому времени и Махно стал уставать от радостей семейной жизни. Мечты о собственном хуторе потускнели. Махно все больше и больше начали раздражать те похвалы, которые расточались советской прессой атаману Григорьеву:

«Григорьев взял Херсон»... «Григорьев взял Одессу»... «Григорьев победил Антанту»...

Имя Григорьева пользовалось огромной популярностью. Григорьев – революционный герой. Махно видел, что на советском небе возшла новая яркая звезда, в лучах которой меркнет его слава.

Махновцы, разгруженные от Екатеринославской добычи, не желающие идти на простой, случайный грабеж, все назойливее и нетерпеливей указывали Махно на Григорьева и даже промеж себя поговаривали о том, что пора идти к новому атаману...

Перед Махно стал вопрос: чем и как удовлетворить непомерно разросшиеся аппетиты своей шайки. Нужен был какой-то выход, иначе от него уйдет к опасному конкуренту все, что есть лучшего в шайке. И Махно задумал коварный план: спровоцировать Григорьева на совместное выступление против советской власти.

Этим Махно достигал двоякой цели – уничтожал соперника и завладевал его богатой одесской добычей, о которой день и ночь бредили махновцы...

И вот Махно посылает к Григорьеву своих «дипломатов» – Козельского и Колесниченко, с которыми передает атаману свой братский привет и вместе с тем порицание за отступничество от «подлинных заветов революции».

Махновские «дипломаты», встреченные с торжественной помпой «двором» Григорьева, с успехом выполнили возложенную на них миссию. Они легко сговорились с легкомысленным Григорьевым, который и сам не раз до приезда махновской делегации задумывался над тем, что ему пора разойтись с большевиками, которые не оценили его заслуг перед революцией и, по распоряжению какого-то актера Дембровского, выгнали его из Одессы.

Во время первого свидания с махновской делегацией Григорьев колебался дать определенный ответ: он не сказал ни да, ни нет. Но по возвращении из штаба 3-й советской армии, куда его вызывали для служебных объяснений, Григорьев решил стать на скользкий путь, на который его толкнул Махно. В штабе армии Григорьеву объявили, что он всего лишь начальник 44 советской украинской стрелковой дивизии, чем было чувствительно задето честолюбие Григорьева, который мечтал о poste чуть ли не главнокомандующего войсками на Украине.

Вследствие этого, он, по возвращении в свой штаб, передал «дипломатам» Махно согласие на выступление против советской власти.

Махно торжествовал и, заручившись согласием Григорьева, стал рыть ему яму.

Началась подготовка к совместному выступлению: разрабатывался общий оперативный план, Григорьев развил среди населения деятельную агитацию и открыто заявлял, что он скоро примется за уничтожение ненавистных народу коммунистов.

Большевики, догадываясь о заговоре Григорьева и Махно, но ничего определенного не зная, накануне выступления вызвали Махно для переговоров, причем последний конечно поклялся в верности Москве, а на другой день, 4 мая, Григорьев, рассчитывая на Махно,

открыто выступил против большевиков под лозунгом: «Власть советам, но без коммунистов».

Выступление Григорьева не на шутку встревожило советское командование на Украине. Силы восставших не только количественно, но и качественно превосходили силы большевиков. Симпатии населения, которому Григорьев передал часть мануфактуры из числа захваченной им в одесском порту, также были всецело на стороне восставших. Однако в самом начале выступления Григорьев допустил непоправимую ошибку. Эта-то ошибка и спасла большевиков от гибели.

Григорьев приказал своему начальнику штаба Тютюнику (впоследствии много нашумевшему петлюровскому атаману) наступать с большим отрядом в сторону Харькова и Киева. Тютюник после демонстраций в сторону этих городов предал Григорьева. Он повернул на Каменец-Подольск и навсегда перешел на сторону Петлюры.

Вместо того, чтобы ударить по незащищенной Одессе, где кроме штаба армии с ротой китайцев и двух бронепоездов ничего не было, Григорьев, соблазненный обещаниями Махно о совместных действиях против Крыма и у Екатеринослава, уклонился к Елисаветграду, где и произвел еврейский погром. Григорьеву следовало бы быть активным и повести стремительные атаки на растерявшихся большевиков; но он пропустил несколько дней, и это решило его судьбу.

За это время советское командование быстро оправилось от предательского выступления, вырвало инициативу из рук Григорьева и с бронепоездами, которых у Григорьева не было, а также с помощью махновской вольницы, перешло в решительное наступление.

Возле Елисаветграда, а затем под Лозовой, Григорьев потерпел жестокие поражения и потерял все, что вывез из Одессы.

Однако Махно не удовлетворялся доставшейся ему григорьевской добычей, ему нужна была смерть Григорьева...

В то время как шла борьба Григорьева с большевиками, началось осторожное продвижение добровольцев в Донецкий бассейн и завязались кровопролитные упорные бои, которые, как известно, привели к тому, что большевики были вытеснены из Донецкого бассейна и попятились к Москве...

Неблагоприятно для большевиков складывалась обстановка и на Керченском полуострове. Красная армия не смогла перешагнуть через Акманайский рубеж. Надежды на восстания в Керчи и в других местах не оправдывались: восстание быстро и решительно подавил энергичный генерал Ходаковский, который, сменив раненного в грудь генерала Шиллинга, с отрядом в 3500 человек взял Феодосию и, после ряда боев, заставил большевиков быстро покатиться на север.

Дивизии Махно было поручено занять Мариупольский фронт. Махновцы, влившись в большевистский фронт, быстро разложили соседние дисциплинированные и в общем довольно стойкие советские войска. Генерал Май-Маевский медленно продвигался вперед, и махновцы, встречая организованный отпор, а в особенности при появлении танков, бежали с фронта, увлекая за собой и советские войска. Южный фронт большевиков зашатался. Началось стремительное наступление добровольческой кавалерии. Красная армия покатилась на Орел.

В это время Махно продолжал вести с советской властью такую же двойственную и коварную игру, какую вел с Григорьевым, и на все требования Москвы подтянуться, он, ведя явно противосоветскую агитацию в деревнях, отвечал все более и более неприемлемыми требованиями.

Первым понял, в чем дело, Троцкий, который, удалив главковерха Антонова-Овсеенко, продолжавшего поддерживать Махно, стал расформировывать украинскую армию и вливать ее состав в общерусскую.

Главнокомандующего Вацетиса, который не мог справиться с разразившейся катастрофой, сменил ген. штаба полковник Каменев, которому впоследствии суждено было закончить благоприятно для советов борьбу на всех белых фронтах...

Троцкий из Харькова потребовал, чтобы Махно лично явился к нему, но хитрый Махно послал для переговоров делегацию. Тогда Троцкий приказал расстрелять делегацию, а Махно и Волина объявил вне закона как изменников рабоче-крестьянской власти.

Так кончилась служба Махно у большевиков.

Махно-петлюровец

Разрыв с советской властью Махно предвидел еще задолго до посылки к Троцкому делегации.

На это указывает предательское для коммунистов отступление махновской дивизии на северо-запад в сторону Волочиска, тогда как по общему плану отступление предусматривалось за Донецкий бассейн в сторону Харькова.

Это подтверждается также и работой махновских агентов по дискредитации советской власти, что, конечно, не могло быть секретом для большевиков.

В первых числах августа 1919 года махновская армия, значительно уменьшившаяся численно за время тяжелых боев с добровольцами и обремененная значительным числом раненых, достигла линии петлюровского фронта: Калинковичи – Казатин.

Махно немедленно приступил к переговорам с петлюровским командованием о сдаче на попечение украинского Красного креста раненых махновцев, которых он, вопреки обычаю, не смог, вследствие быстроты отступления, сдать на попечение крестьян.

Переговоры вскоре увенчались успехом, хотя и без санкции Петлюры, пожелавшего, очевидно, сохранить в отношении Махно свободу действий на случай удачных переговоров с Деникиным, которые в то время под шумок уже вел этот пресловутый «головной атаман».

В результате переговоров от Махно были приняты не только все раненые, но и самому Махно с остатками его армии было предложено занять возле Умани отдельный участок на петлюровском фронте. Махно, заняв участок фронта, попал в совершенно родственную для его махновцев обстановку.

Все эти «курени смерти», разные «черно-красно-серо-шлычники» и другие, с не менее эффектными названиями полки, составлявшие как бы гвардию петлюровских войск, по существу были худшим видом партизан, не останавливающихся перед любым видом насилия, и понятно, что вольница Махно, с ее полным отрицанием даже признаков дисциплины, которая в петлюровских войсках все же существовала хотя бы в отношении деления чинов армии на казаков и старшин (офицеров), привлекла к себе все их симпатии, и скоро началось дезертирство петлюровцев к махновцам, значительно пополнившее состав махновской армии.

В то время на петлюровском фронте было полное боевое затишье. Мимо фронта тянулись бесчисленные обозы отступавших из Крыма и Одесского района советских войск, перегруженных многочисленными семьями коммунистов из оставленных районов, а добровольцы были еще далеко.

Эти колонны обозов, с рассыпанными среди них мелкими единицами войск, деморализованных быстро разразившейся военной катастрофой, лишенных возможности рассосаться среди местного населения из-за общей ненависти, были заняты одной лишь мыслью: как

можно скорее достигнуть линии Чернигов – Брянск и тем спасти себя от окончательного разгрома.

Эти-то обозы большевиков и привлекли всё внимание петлюровцев.

Петлюровцы, а с ними и Махно, не удаляясь слишком далеко от линии своего фронта, ежедневными короткими ударами наносили проходившим большевикам чувствительные удары, отбивая лошадей и обозы со всевозможными грузами.

Особенно свирепо усердствовали махновцы, производя колоссальные разгромы колонн большевиков, часть которых еще так недавно они сами составляли.

В результате Махно быстро пополнил всю материальную часть армии, в особенности лошадей, в которых он тогда нуждался, а также и увеличил численный состав армии за счет пленных красноармейцев и петлюровцев.

Вот тут-то Махно и пригодились приказы, полученные им от Дыбенко в Симферополе.

Махно лихорадочно начал работу по реорганизации своей армии, не задевая своих сводободлюбивых махновцев ломкой нравившегося им внешнего порядка.

Между тем, для советской власти события принимали все более и более грозный характер. Деникин занял Курск и подходил к Орлу.

Казалось, революция кончена и настали последние дни большевизма.

Но, углубляясь на Украину в поисках сочувствия у населения, привыкшего владеть собственной, а не общинной землей, стремясь использовать живые силы этого населения и получить хлеб, – Деникин, вместе с тем, не посчитался с пронесшимся по всему этому обширному краю вихрем национального подъема, принявшим во многих случаях окраску крайнего шовинизма.

Рассматривая всё украинское движение лишь как кабинетно-надуманное изобретение кучки интеллигентов зарубежного происхождения, Деникин допустил открытое столкновение с петлюровцами в первый же день занятия Киева из-за поднятия флага над зданием городской думы.

Это столкновение привело впоследствии к образованию нового фронта, потребовавшего оттяжки значительных сил за счет главного и, кроме того, у армии с этого момента оказался неустойчивый, часто враждебный ей тыл.

Не повторяя здесь ставших уже общеизвестными обстоятельств, приведших в конечном результате к разгрому деникинского движения, укажу лишь кратко на то, что слишком длительное оставление деревень и сел без государственной власти создавало на местах чистейшую анархию, доходившую до кошмарных размеров от произвола военных властей, среди которых нашли себе место авантюристы всех оттенков.

Эти ошибки скоро привели к полнейшему расхождению, а затем и открытому выступлению крестьянских масс против Деникина, власть которого в начале они принимали восторженно, с чисто детской надеждой, что сам Деникин, без их усилий и жертв, принесет всем мир, землю и порядок.

Итак, вскоре начались ожесточенные и кровопролитные бои между добровольцами и махновцами, причем впервые махновцы познакомились с действием нового орудия гражданской войны – бронепоездами и с установленной на них мощной тяжелой артиллерией.

Махновцы вообще не выносили действия артиллерии, а огонь с быстро и притом совершенно неожиданно появляющихся бронепоездов заставлял их разбегаться куда глаза глядят.

Махно это видел и упорно начал искать выход из тяжелого положения, грозившего ему гибелью.

Следует еще добавить, что Махно слабо владел украинским языком, а «ридна мова», на которой пришлось тогда ему и его махновцам изъясняться, все больше и больше наводила его на мрачные мысли и вопросы, чем все это для него кончится?

Махно совершенно ясно видел, что среди украинцев ему не то что первой, но даже и последней скрипки играть не придется, и он решил изменить Петлюре, как раньше изменил Григорьеву, а затем советской власти...

Махно в тылу Деникина

К осени 1919 года Махно окончательно усвоил преподанные через Дыбенко уроки Троцкого и успел применить их на практике.

Оставляя без внимания внешний вид своей недисциплинированной армии, он, путем упорной и энергичной работы, почти незаметно, успел реорганизовать ее так, что армия уже не была той шайкой грабителей, какой по существу являлась, а представляла собой кадры для подлинно народной партизанской армии, а в борьбе со своими противниками Махно начал применять и новую тактику.

Махно решил, что необходимо действовать не только быстро, но главное, производить операции вдали от железных дорог или, как он определял, «перенести борьбу с рельс на проселки, в леса и поля»...

Свою пехоту он посадил на четырехколесные легкие тачанки, с установленными на них пулеметами и, имея прекрасный конский состав, перебрасывал едущую на тачанках пехоту с поразительной быстротой то в один, то в другой участок боя, появляясь преимущественно там, где его меньше всего ждали.

Кавалерию Махно вообще берег и употреблял ее для нападений на подвергшиеся крушению воинские железнодорожные эшелоны или для преследования убежавших в панике войск противника.

Не ждали Махно и в тылу у Деникина, войска которого победоносно двигались по московским дорогам.

В то время, когда Мамонтов возвращался на отдых со своего знаменитого рейда по советским тылам, Махно со своей летучей армией совершил неожиданный рейд по тылам Деникина. Бросив Петлюру, стремительным натиском уничтожив бывший против него Симферопольский полк, он стал появляться там, где его никто не ждал, неся с собой панику и смерть и спутывая все карты Деникина.

Махно у Полтавы, Кременчуга, Константинограда, Кривого Рога...

В первых числах сентября он занял Александровск, отрезав Крым от центра. По пути Махно распускал собранные по мобилизации пополнения для армии Деникина; часть из них добровольно переходила к нему.

Махно идет дальше, – он занимает Орехов, Пологи, Токмак, Бердянск, Мариуполь и смело подвигается к Таганрогу, где была расположена ставка Деникина.

Нужно было видеть, что творилось в эти «махновские дни» в тылу Добровольческой армии.

Военные и гражданские власти растерялись настолько, что никто и не думал о сопротивлении.

При одном известии о приближении Махно добровольческие власти бросали всё и в панике бежали в направлении Ростова и Харькова.

Это был небывалый, не имевший примера в истории разгром тыла, который по своим последствиям не может быть даже сравним с рейдом Мамонтова.

На сотни верст с большим трудом налаженная гражданская и административная жизнь в городах и отчасти в селах была окончательно сметена. Уничтожены и сожжены огромные склады снаряжения и продовольствия для армии. Нарушены пути сообщения...

Крестьянская масса с этого момента открыто стала не только в оппозицию к власти Деникина, но и перешла к вооруженной с ним борьбе.

Не оценив в должной мере махновского движения, генерал Деникин лишь кратко приказывал генералу Слащеву: «Чтобы я больше не слышал имени Махно».

Против Махно был двинут корпус Слащева, почти весь конный корпус Шкуро и все запасные части, которыми в то время располагало главнокомандование.

Одним словом, для «ликвидации» Махно были сняты с фронта, быть может, лучшие части добровольцев, но ликвидировать Махно им так и не удалось, несмотря на то, что конница Шкуро в первые же 10 дней столкновений с Махно потеряла до 50 % лошадей.

Упорство Деникина, смотревшего на Махно, как на эпизод, из-за которого не может быть задержано наступление добровольцев на Москву, погубило его армию и спасло советскую власть, находившуюся тогда в критическом положении.

К действиям Махно как советская, так и деникинская печать относились как к совершенно случайному эпизоду, который для одних облегчил, а для других затруднил борьбу, – эпизоду, который не играл чисто военной роли в борьбе советов с Деникиным, тогда как в действительности эти действия по своим последствиям имели несомненно решающее значение на исход всей борьбы белых армий с советской властью.

Мне пришлось пешком пройти от Александровска, после нападения на него Махно, до Чаплино и наглядно убедиться, как в исключительном влиянии Махно на крестьянские массы, так и в невероятной растерянности властей, которая предшествовала движению Махно.

К утру той ночи, когда Махно неожиданно напал на Александровск, я прошел около 20 верст. Попадавшиеся на пути станции и полустанки были уже брошены и только поздно утром от оставшегося телеграфиста мне удалось узнать, что все служащие вместе с государственной стражей ночью выехали в Орехов.

Оставив полотно железной дороги и свернув на проселочную дорогу, я видел, как на улицах и дворах проходимых мною сел собирались толпы крестьян, что-то горячо обсуждавших и подозрительно меня осматривавших.

Так и прошел весь день. Вечером в небольшом селе меня арестовали и лишь после заявления, что я учитель и хорошо знаю батьку Махно, – отпустили.

Почти до самого Чаплино нигде нельзя было встретить никаких признаков государственной стражи или других представителей власти, и даже в Чаплино, несмотря на наличие в особом поезде воинского отряда, можно было заметить растерянность и нервозность среди всех агентов власти, а крестьяне, не стесняясь, открыто заявляли, что «скоро явится батька Махно и всех вырежет»...

Из Чаплино вечером я попал в Бердянск, который в ту же ночь был занят Махно. Еще поздно вечером в гостинице, где я остановился, меня уверяли, что Махно находится где-то далеко, потерпел поражение, что городу ничто не угрожает и что напрасно производили эвакуацию. Мне тогда было не до Махно: измученный продолжительной дорогой, я крепко заснул, но ночью был разбужен артиллерийской стрельбой. Быстро одевшись, я выбежал на улицу...

По тротуарам и мостовой густой толпой неслись военные, срывая на ходу погоны, сбрасывая верхнюю одежду, бросая винтовки. В толпе скакали верховые, тяжело громыхали повозки, дребезжали железом походные кухни. Перебежав с трудом бульвар и несколько улиц, я очутился на набережной, где удалось установить, что стрельба велась со стороны кладбища на горе и рыбацкого поселка Лиски. Снаряды рвались над портом и в городе. Стрельба все усиливалась. На набережной стали появляться группы бегущих военных. Из моего убежища во дворе рыбака отчетливо были видны огни кораблей, стоявших на рейде, верстах в 10 от порта. Это были суда, на которых эвакуировались из города гражданские власти и учреждения – и уже три дня ожидавшие в море развязки событий. В порту дымил маленький катер, как я узнал впоследствии, «Екатеринославец». У входа в порт стоял броне-

вик и вел усиленную пулеметную стрельбу по атакующим порт махновцам. По всей территории порта рвались беспрерывно снаряды. Скоро махновская артиллерия стала обстреливать порт со стороны города. Катер, переполненный военными, торопливо начал отчаливать от пристани. При повороте катер перевернулся и затонул. Все бывшие на катере погибли.

Соппротивление добровольцев, засевших в порту, было отчаянное, но силы были не равны. Часам к 11 утра порт был занят махновцами, которые затем повели наступление в сторону грязелечебницы. Участь города и последовавшего боя решило организованное Махно выступление рыбаков Лисок, захвативших ночью с тыла артиллерию, установленную на позиции за кладбищем...

Два дня по дворам города ходили махновцы, разыскивая офицеров и полицейских и тут же их расстреливая, привлекая для успешности розысков уличных мальчишек, платя за каждого найденного по 100 руб. Обыватели города испуганно попрятались и, кроме рыбаков из Лисок, участия в событиях не принимали... Так прошло два дня...

На третий день появился махновский комендант города, на четвертый прибыл военсовет армии, а еще через день приехал на несколько часов и сам Махно со своим штабом.

Расстрелы прекратились, стала выходить газета «Вольный Бердянск», а город и жители были объявлены вольными. С первых же дней «вольный» город был наводнен тысячами крестьянских подвод, на которые грузилось из магазинов все, что было, и почти три недели на подводах вывозились снаряды, патроны, оружие, снаряжение, уцелевшие при взрыве складов. Все это везлось крестьянами в свои деревни.

Необходимо отметить, что все крестьяне считали себя настоящими махновцами, а коренной элемент махновской армии они иронически называли «раклом».

Городское население в большинстве относилось к Махно отрицательно: торговцы жаловались на грабежи и плохую торговлю; интеллигенция молчаливо осуждала махновскую власть и пряталась от нее; рабочие и ремесленники считали Махно врагом советской власти; рыбаки, принимавшие вначале активное участие, негодовали на невозможность заниматься рыбной ловлей. Одни портовые рабочие громко выражали свое удовольствие, внося в жизнь города свой пьяный и шумный восторг...

Но нетерпимее всех относились к Махно евреи, хотя никаких еврейских погромов Махно не устраивал, грабя евреев на общем основании, как и остальных. Они жаждали замены Махно кем угодно и устроили торжественную встречу возвратившимся впоследствии добровольцам.

В силу близости района военных действий, подвоз продуктов в город с первых же дней прекратился. Цены на все съестное начали достигать невиданных доселе размеров, пока не появился краткий приказ коменданта города, гласивший: «Батя Махно приказал, чтобы и хлеб и продукты в городе были».

К вечеру того же дня хлеба было сколько угодно по цене 3 руб. за фунт, вместо существовавшей цены 5 руб. до махновского прихода. После издания этого приказа подводы приходили с продуктами и уходили обратно с награбленными вещами...

Борьба Махно с корпусом генерала Шкуро и губернатором Щетининым

Быстро откатившись под ударами добровольцев от Мариуполя к Волновехе, а затем в сторону Токмака и Полог, Махно 16 октября 1919 г. покинул Бердянск и, после бомбардировки с моря сел Петровского и Новоспасовки, стал, хотя и медленно, с боем отступать к Екатеринославу В районе этого многострадального города у Махно завязалась продолжительная борьба со Слащевым.

Упорно задерживаясь на линии Бердянск – Чаплино – Синельниково почти всю вторую половину октября, Махно не сумел учесть сил, стойкости, а главное, умения Слащева вести борьбу с его партизанами. Не мог Махно предугадать и направления главного удара по своей армии, ожидая его со стороны Таганрога, а получил его со стороны Лозовой.

Не придал Махно и должного внимания густой железнодорожной сети Донецкого бассейна, что, однако, не преминуло использовать добровольческое командование, втянув Махно в борьбу на рельсы, вернее, вдоль рельсового пути, пока не подошли части корпуса Шкуро, которые, усилившись бывшей уже там конницей, перешли к стремительной атаке по всему фронту на растерявшихся от неожиданного, энергичного нападения махновцев.

Махно пришлось под ударами всюду наседавшей конницы оставить четырехугольник: Токмак – Чаплино – Синельниково – Александровск и спешно углубляться в район Днепровских плавней.

Это десятидневное метание из стороны в сторону, хотя и заставило выдохнуться конные части Шкуро и загнать почти 50 % лошадей, но все же нанесло наибольший вред всей армии Махно.

В этих боях погибло много помощников Махно, большая часть кавалерии, почти на 75 % уменьшилась пехота, частью погибшая в боях, а в большинстве рассосавшаяся по деревьям, да и сам Махно лишь случайно избег плена и казни.

Случилось это, когда проливные, холодные дожди, часто смешанные со снегом, окончательно испортили дороги и даже легкие махновские тачанки стали вязнуть в грязи...

Махно, со своим штабом, конвоем и советом армии, размещенными более чем на трехстах тачанках, после тяжелого ночного перехода расположился на отдых, кажется, в с. Ходунцы.

На рассвете его окружила 2-я терская казачья дивизия, которая так неожиданно понеслась в атаку на колонны тачанок, что только с некоторых махновцы успели открыть пулеметный огонь, остановив этим полный охват колонны. Хвост колонны, воспользовавшись заминкой, понесся к лесу по еле приметной полевой дорожке, а преследовавшие его терцы наскочили на распутившееся от дождей болото, завязли в нем и не могли преследовать убежавших махновцев.

Все же терцам досталась богатая добыча: более 200 тачанок с лошадьми и награбленным добром, включая сюда и до 400 женщин, служивших в разведывательном отделении штаба махновской армии, досталась им и тачанка самого Махно, а в ней короткая, из черной дубленой овчины шуба, с пришитой надписью на хвосте – «Батько Махно». Сам же Махно, его штаб и военно-революционный совет исчезли...

С первых дней появления махновских отрядов в тылу добровольцев в борьбу с ними вступил Екатеринославский губернатор Щетинин, в непосредственном подчинении которого находилось несколько отрядов, составленных в большинстве случаев из чинов государственной стражи. Вскоре, однако, стало ясным, что борьба с махновцами была не под силу Щетинину. Его отряды проявляли излишнюю мстительность, раздражая население...

В эту операцию пришлось втянуть дивизию ген. Вицентьева, который, как офицер генерального штаба, не соглашался с методами борьбы, проводимыми губернатором Щетининым; к тому же генерал был недоволен тем, что ради какого-то Махно его на неопределенное время оторвали от работы на фронте. Между губернатором и ген. Вицентьевым начались трения. Вицентьев стал избегать массовых облав, проверок, обысков, а это замедляло быстроту действий карательных отрядов и дало возможность махновцам отдохнуть и произвести переформирование.

В распоряжении губернатора находились агенты государственной стражи, которые скрывались в местах операций Махно и имели возможность наблюдать не только ход махновского движения, но и знать активных руководителей из крестьянской среды. Вот эти-

то агенты, уже не ради личного обогащения, а испытав на себе и своих близких всю беспощадность махновских расправ, «заработали на совесть», решив раз и навсегда покончить с ненавистным им Махно.

Благодаря им у Щетинина имелись точные данные о подлинной махновщине. Но Щетинин, понимая, что удовлетворить крестьян в тогдашних их желаниях, шедших вразрез со всеми государственными интересами, у него не было никакой возможности, остановился на плане уничтожения активного и пришлого махновского элемента и, таким образом, поставив крестьян перед наглядным уроком возмездия за бунт, заставить их, смирясь, подчиниться властям.

Положение осложнялось еще и тем, что в результате операций кавалерии Шкуро, почти в каждом селе накопились сотни махновцев, припрятавших оружие и выжидавших лишь подходящего случая для того, чтобы пустить его в дело. Наступившие вскоре морозы сковали дороги и превратили их вновь в проезжие, а проникавшие всюду махновские разведчики разносили радостные для них вести, что Махно недалеко и вновь наступает на «кадет». Все это не только не располагало их к примирению и покорности, но повело к ряду разрозненных активных выступлений.

В силу этого, почти каждое село приходилось попросту завоевывать, а засевших там махновцев вытеснять в плавни и леса, что роковым образом затягивало дело, создавая неустойчивость положения и усиливало силы Махно, давая ему возможность не прекращать борьбы со Слащевым.

При назначении общей облавы приднепровского леса с участием двух полков дивизии ген. Вицентьева, у Щетинина имелись точные данные о силах махновцев, скрывавшихся в этом лесу после изгнания их из соседних деревень, под общей командой Петриченко.

Начатая с утра облава никаких результатов не дала и ген. Вицентьев, посмеиваясь над точностью сведений Щетинина, приказал по телефону прекратить облаву и полкам возвращаться в места своих стоянок.

Иначе посмотрел на дело командовавший особым отрядом полковник К. Потратив немало времени на переговоры с ген. Вицентьевым о продолжении облавы, полковник К. решил закончить ее силами отряда, находившегося в его распоряжении.

Конец облавы оказался далеко не таким, каким представлял его ген. Вицентьев. Уже через 1 ¹/₂ часа после ухода полков, с кустарников за опушкой пройденного леса началась ружейная стрельба, к которой вскоре присоединилась и пулеметная, а затем, на растянувшийся небольшой отряд, кстати сказать, составленный почти из одних стражников и подростков-гимназистов, махновцы повели атаку. Стражники не растерялись, а встретили атакующих интенсивным огнем.

В самый острый момент атаки, когда враждующие стороны разделяло расстояние 30–40 шагов, 17-летний гимназист, сын полковника К., бывший у него ординарцем, поскакал к обозам, собрал всех, кто там находился, и с организованным таким образом конным отрядом стремительно обрушился на правый фланг дрогнувших от неожиданности махновцев. Вовремя поддержанные стражники быстро перешли в атаку. Через 40 минут почти все было кончено, кустарники пройдены, а махновцы уничтожены.

В суете этой поспешной бойни, вблизи полковника К. какой-то прапорщик, в кожаной поношенной куртке, на которой красовались золотые погоны, подбадривая стражников, требовал пулемет, из которого продолжал вести стрельбу стражник по засевшим невдалеке махновцам, говоря, что он сам перебьет этих бандитов. Полковник никак не мог вспомнить, где он видел этого офицера и как он попал в его отряд, но подъехавший в это время сын полковника громко закричал: «Это Петриченко» – и, вихрем наскочив на прапорщика, ударил его по голове шашкой, а стражник в упор выстрелил в Петриченко.

Так погиб один из главнейших боевых помощников Махно при попытке применить свой излюбленный безумно дерзкий прием, заключающийся в том, что он проникал в ряды добровольцев, переодевшись офицером и, завладев пулеметом, уничтожал на близкой дистанции добровольцев, давая возможность своим товарищам ворваться в линию врагов.

Вечером того же дня отряду полковника К. посчастливилось захватить еще трех видных коренных махновцев, которые на следующее утро были повешены.

Вскоре после этого Щетинин был уволен от должности Екатеринославского губернатора, и борьбу с Махно повел исключительно Слащев.

Махно и Слащев

Ген. Слащев, изгнав Махно из Екатеринослава, упоенный победой, считал вопрос с Махно поконченным.

Самоуверенный генерал сообщил об этом в ставку Деникина и торжественно прибыл в Екатеринослав со всем своим штабом. Но оказалось, что победить Махно было не так легко. В то время, когда по прямому проводу летела преждевременная весть о слащевской победе, Махно возвратился назад и захватил станцию, на которой находился поезд Слащева. Кругом поднялась обычная в таких случаях паника, махновцы наседали со всех сторон, казалось, что вот-вот Слащев со своим штабом попадет в плен, и только личная храбрость молодого генерала спасла положение: Слащев со своим конвоем стремительно бросился в атаку, отбил нападение и возвратил город в свое распоряжение.

Однако железнодорожный мост через Днепр почти до момента прекращения борьбы с Махно, из-за общего отступления, остался как бы нейтральной зоной.

Эпизод с неожиданным занятием станции положил начало новой упорной войне Слащева с Махно. В начале махновской кампании Слащеву пришлось иметь дело с большими массами крестьянских полков, которые ему и удалось частью уничтожить, а частью заставить разбежаться по домам. Отсюда – та легкость победы, в которую поверил и генерал и его штаб. После занятия добровольцами Екатеринослава Махно располагал исключительно войсками, составленными из основного элемента его армии, пополненного наиболее активными и стойкими крестьянами.

Конечно, для махновцев были не по плечу затяжные бои, да еще чуть ли не позиционные, где прежде всего требуется устойчивость и дисциплина. Махно это учитывал и в борьбе со Слащевым стал применять старую тактику, давшую ему столько успехов в войне со всеми своими противниками.

На слащевские войска, которые привыкли к открытым столкновениям, со всех сторон посыпался целый ряд мелких, совершенно неожиданных нападений, которые беспокоили и нервировали добровольцев, не знавших откуда ожидать удара. Махно появлялся то там, то здесь: сегодня его отряды были в одном месте, завтра они появлялись в другом. Ни днем, ни ночью не было покоя от назойливости махновцев, которые совершали свои налеты с необычайной смелостью, как бы щеголяя буйной удалью...

Всё это привело к тому, что добровольцы очутились словно в осажденной крепости, причем обнаружить осаждающую армию не было никакой возможности. Войска Слащева только и делали, что беспрестанно маневрировали в разных направлениях в поисках исчезающих, как дым, махновцев.

Перед нападением на добровольцев Махно говорил своим:

– Братва! С завтрашнего дня надо получать жалование.

И на завтра «братва» действительно получала жалование из карманов убиваемых ими офицеров. Впрочем, мародерство процветало не только среди махновцев; ему не были чужды и слащевцы...

Затяжной характер борьбы с Махно выводил из себя Слащева, стремившегося как можно скорее «ликвидировать» Махно, дабы отправиться добывать славу в направлении Москвы. В то время белые генералы вели спор о том, кому первому войти в Москву. Однако борьба затягивалась и, видя это, самолюбивый Слащев решил нанести Махно «последний» удар. Для охвата махновского фронта по его настоянию были стянуты все добровольческие части Крыма и одесского района, находившиеся в распоряжении генерала Шиллинга.

Само собой разумеется, что такая операция требовала предварительной подготовки и штаб занялся детальным обсуждением плана Слащева.

Но махновцы, конечно, не ждали: их нападения становились все смелее и смелее. Слащев сначала приходил в ярость, но вскоре стал восторгаться предприимчивостью и храбростью махновцев.

Сперва махновцев, захваченных в плен, обыкновенно вешали, как бандитов, потом стали расстреливать, как храбрых солдат, и, под конец, их всеми способами старались переманить на свою сторону.

По мере развития операций, у Слащева рос интерес к личности Махно. Он не пропускал ни одного махновца, чтобы не расспросить его о том, видел ли он Махно и кто он такой, но узнать что-нибудь положительное о прошлом Махно из сбивчивых и противоречивых рассказов пленных Слащеву не удалось. Это обстоятельство еще больше разжигало его любопытство, и у него явилось непреодолимое желание видеть Махно, встретиться с ним и поговорить.

С этой целью Слащев отправил к Махно своего парламентаря, которого сопровождал отпущенный из плена махновец. Посланец передал батьке, что генерал хочет с ним встретиться, на что Махно ответил:

– Видеться я согласен на митинге, где мы и поговорим, как я раньше говорил с Григорьевым¹.

Всё же страсть Слащева к махновцам от этой неудачи не прошла и под конец операции у него собралось порядочное число махновцев, которых он и захватил с собой в Крым, где они оправдали возложенные на них надежды и действительно отличились как храбрые солдаты. В ноябре 1919 года начался отвод добровольцев от Курска; общая стратегическая обстановка изменилась, и Слащев, не закончив борьбы с Махно, ушел в Крым.

Несмотря на то, что Крымская операция покрыла Слащева славой, он не раз, вспоминая Махно, говорил:

– Моя мечта – стать вторым Махно...

Махно и союз его с Врангелем

Знакомство Слащева с махновцами толкнуло его, в крайне тяжелых условиях первого периода крымской эпопеи, искать сближения с Махно. Первые попытки не дали положительных результатов, но когда к Махно был командирован полковник генерального штаба Л., более известный под именем атамана Вержбицкого, дело начало налаживаться... Перемена отношений Слащева и настойчивость, которую проявили его агенты в поисках примирения с Махно, крайне поражали последнего, тем более, что ловкий и льстивый Вержбицкий не стеснялся в выборе выражений для похвал махновским талантам и вообще вел себя крайне дипломатично.

Это настроение Махно стремился использовать начальник его штаба Васильев, который в обращении Слащева увидел возможность для себя чуть ли не полной реабилитации перед добровольцами. Он даже перестал пить и сам лично поехал к Вержбицкому.

¹ Атаман Григорьев был убит махновцами на митинге-сходе в селе Сентове 27 июля 1919 г. – *Примеч. ред.*

Встреча Васильева и Вержбицкого состоялась в плавнях, и была чисто приятельская. Тут же на месте были улажены все острые недоразумения, определен район действий лично Вержбицкого, ему были подчинены несколько мелких махновских отрядов и даже предоставлено право формировать новые отряды под прикрытием имени Махно. Васильев пошел еще дальше, заявив Вержбицкому, что независимо от дальнейших переговоров, с этого момента отношения Махно и добровольцев необходимо считать как союзные...

– Мои союзники – хоть сам черт, лишь бы он был с нами, – так определял Врангель свое отношение к возможным союзникам.

В связи с таким определением в выборе своих союзников, вскоре изменилась и физиономия штаба главнокомандующего, из которого удалились все старые элементы, которые, быть может, были совершенно незаменимы в войне дисциплинированных войсковых масс, но вряд ли могли постигнуть особенности гражданской войны, все ее колебания и разновидности. Штаб заполнился молодым и энергичным элементом, среди которого было несколько офицеров генерального штаба, побывавших в повстанческих отрядах, как например полковник Б., пробывший около четырех месяцев у атамана Зеленого.

Эти перемены дали много положительного в смысле перемен форм ведения борьбы с большевиками, но в то же время принесли и ряд отрицательных результатов.

Дело в том, что к началу 1920 г. в добровольческой армии окончательно выродилась идея государственного розыска, главным образом в органах контрразведки, которые образовали ряд самостоятельных единиц, в некоторых случаях вовсе не признававших распоряжений центра.

Справиться с этим злом, а в особенности в короткий срок, штаб главнокомандующего не смог. Между тем, зная сущность дела, штаб поторопился отдать распоряжение о подчинении непосредственно ему, минуя штабы корпусов, всех агентов, оставшихся за фронтом. Это распоряжение внесло крайнюю путаницу и привело к тому, что когда к Слащеву прибыла депутация от Махно, из состава которой несколько человек, во главе с молодым и энергичным атаманом Вдовенко были отправлены в Севастополь в штаб главнокомандующего, – контрразведка ген. Кутепова депутацию арестовала и затем всех ее членов повесила на телеграфных столбах города Симферополя.

Такой прием депутации быстро докатился до Махно и страшно раздражил его. Казалось, что все дело лопнуло и агентам добровольцев не избежать лютой махновской расправы. Но Васильев и здесь выручил, сгладив неприятное известие за счет отрицательных сторон Вдовенко, у которого, кстати, оказалось немало личных врагов среди махновских приближенных.

Извещение врангелевской печати, в самый разгар борьбы Врангеля с советской властью, о заключении союза с Махно, могло быть продиктовано только полным непониманием сущности махновщины и отчасти просто увлечением штаба Врангеля атаманщиной...

Разве мог быть действительный союз Махно с Врангелем при наличии в военно-революционном совете армии Махно почти всех анархистов России, возглавляемых Волиным? Чем же мог соблазнить и что мог вообще предложить анархистам Врангель? Свой земельный закон? Но говорить об этом серьезно с анархистами, само собой разумеется, было бы смешно. Своим земельным законом Врангель хотел перетянуть на свою сторону крестьян, т. е. оторвать их от Махно, а крестьянство на 75 %, если не больше, до конца борьбы просто не знало о существовании этого закона и, как бы в ответ на этот закон, отказывалось, несмотря на угрозы, вступать в русскую армию, в то же время выполняя махновскую мобилизацию в течении нескольких часов беспрекословно и, главное, без всяких угроз и насилий.

Махно это знал и, конечно, учитывал по-своему.

Для Махно было тогда выгодным и даже необходимым затянуть борьбу Врангеля с большевиками, которые пока оставляли Махно в покое, хотя и оттиснутым в западном направлении от его основной базы...

На предложенный ему Врангелем союз Махно безусловно дал свое согласие и действительно помог Врангелю работой мелких атаманов, как, например, Яценко.

Но это согласие и этот союз фактически выливался в следующую форму: «Пока у большевиков есть чрезвычайки, мы с ними будем вести войну, как с контрреволюционерами. Врангель также против чрезвычайок и обещал нас не трогать».

Вот это заявление Махно и послужило версией считать союз его с Врангелем заключенным, но союз этот был чисто «махновский»...

Махно понимал, что удовлетворить в то время крестьянство не могла ни одна власть, считающая себя государственной, поэтому он предпочитал показывать вид о желании заключить союз с Врангелем и одновременно вел переговоры с советской властью о своем поступлении к ней на службу.

Врангелю он передавал, что не прочь получить генеральский чин, а коммунистам указывал на свои заслуги перед революцией, обещая, как революционер, сохранить нейтралитет до окончания борьбы большевиков с Врангелем, а под шумок этих переговоров грабил и тех и других, причем его «братва» получала на этот раз жалованье из карманов убитых комиссаров...

Союз Махно с Врангелем, как и переговоры Махно с большевиками, были только коварной двойственной уловкой. Это был чисто махновский союз, как раньше с Григорьевым, советской властью и Петлюрой.

В союзники, кому бы то ни было, Махно не подходил, а его фраза: «Мы еще подурчим генералов, а с ними и коммунистов», – говорила сама за себя.

Армия Махно

К концу 1919 г. все, что группировалось вокруг Махно, носило одно общее название: «Армия имени Батьки Махно».

Основное боевое ядро армии, наиболее активное, служащее как бы кадром, из которого потом разворачивались отряды, пополненные крестьянами, состояло из:

1. Личного штаба и конвоя Махно, численностью до 300 человек. Во главе конвоя, в роли коменданта штаба находился бывший слесарь Кийко, а начальником конвоя состоял матрос Ляценко, щеголявший добытой в Екатеринославе ильковой богатой шубой даже в летнюю жару;

2. Кавалерии – 1000 всадников, как это определил сам Махно, под командой бывшего вахмистра Долженко;

3. Пулеметных полков, т. е. ездящей пехоты – 800 тачанок с 1–2 пулеметами на каждой и по 3–4–5 человек на тачанке, считая и кучера. В общем до 3500 человек, под общей командой бывшего матроса Гуро;

4. Артиллерии – шесть 3-х-дюймовых полевых орудий с полной запряжкой и зарядными ящиками. В общем до 200 человек, под командой бывшего фейерверкера Зозуля;

5. Комендантских команд и других вспомогательных частей, передвигающихся также исключительно на тачанках и иногда принимавших участие и в боях; в общем до 500 чел.

Постоянных чисто пехотных частей, санитарных учреждений и интендантских обозов в армии Махно не имелось.

Таким образом, численность постоянных сил Махно, составленных преимущественно из бывших матросов военного флота, уголовного элемента, дезертиров из красной и белых

армий и, лишь в небольшом числе, из крестьянской молодежи, – нужно определить в 5000 человек, не считая состава реввоенсовета армии.

Кроме этих постоянных частей, имелись временные, в большинстве пехотные части, собираемые по мобилизации из крестьян. В зависимости от района, мобилизация давала в одну ночь 10–15 тысяч бойцов и больше, частью с артиллерией и кавалерией. Эти части состояли исключительно из крестьян и распределялись по полкам, носящим название сел, давших контингент (Петровский, Новоспасский и т. д.).

Численный состав таких полков и их вооружение было самое разнообразное. В большинстве случаев это были самостоятельные отряды из всех трех родов оружия.

Наступательный порыв мобилизационных частей в первые дни бывал очень велик, но по мере удаления от родных сел или затяжки военных действий крестьяне «выдыхались»...

Успех махновских мобилизаций зависел от того, что во всех селах Таврической, Екатеринославской и южных уездов Полтавской и Харьковской губерний имелись махновские организации, поддерживавшие через особых агентов и разведчиков постоянную связь со штабом Махно, который благодаря тому всегда был точно информирован о положении на местах. Раскрыть эти организации при занятии сел противником было невысказано, так как почти все жители сел так или иначе бывали замешаны в махновском движении, а главари держались крайне конспиративно.

Постоянная осведомленность о настроениях крестьян, возможность через посредство агентов и руководителей на местах создавать эти настроения, позволяли Махно избегать ошибок с объявлением мобилизации в неподходящий момент и поэтому мобилизации всегда проходили с успехом.

Тайные махновские организации скрывали раненных в боях, разведчиков, облегчали всякие административные и хозяйственные заботы, наконец, они прятали оружие до тяжелых пушек и танков включительно, выдавали это оружие мобилизованным, словом, служили тем надежным тылом, в котором нуждается каждая армия, а партизанская в особенности.

Такая организация, доведенная до последней степени гибкости и совершенства, определяла и характер тактических действий Махно. Имея основной кадр армии из людей, терять которым нечего, посаженных на лошадей (кавалерия) или на тачанки, Махно совершал в одну ночь переходы в 50–60 и более верст. На остановках он находил отдых, корм для людей и лошадей. Расчеты за все забранное у сельского населения Махно немедленно производил деньгами или товарами с большей щедростью, нежели его противники, которые, впрочем, старались ничего не платить крестьянам. Эти расчеты помимо других причин приводили к тому, что крестьяне радовались появлению махновских отрядов. Таким образом Махно, достигнув за полперехода пункта, намеченного для нападения, располагал собранными по секретной мобилизации свежими боевыми частями. Внезапная и быстрая атака почти всегда приводила к успеху. От неожиданности нападения противник терялся и отступал в паническом бегстве.

При захвате крупных пунктов грабежу подвергалось все, что только возможно вывезти на крестьянских подводах. Часть награбленного, преимущественно легковесные ценности, оставались в распоряжении Махно, а большая часть товаров, снаряжение противника и проч. увозились мобилизованными крестьянами по своим селам. После этого грабежа задача мобилизованных крестьян, если противник не успевал организовать сопротивление, считалась законченной и крестьяне возвращались к своей повседневной жизни.

В некоторых случаях Махно прибегал к устройству внутренних выступлений в тех пунктах, где по его данным он мог бы встретить стойкое сопротивление, как, например, в Бердянске, где ему удалось организовать выступление рыбаков предместья Лисок, захвативших с тыла артиллерию, что дало Махно возможность обойти со стороны моря весьма силь-

ную естественную позицию добровольцев. При вторичном занятии Екатеринослава Махно перевез винтовки и пулеметы под продуктами крестьян, якобы ехавших в город на базар.

Деление армии на постоянный и временный состав отражалось на внешнем и бытовом укладе армии.

Неизменными и постоянными спутниками основного ядра армии были грабеж, пьянство, буйство... Рядом с пулеметами на тачанках, прикрытых дорогами коврами, помещались бочки с вином и самогоном. Видеть махновцев в трезвом состоянии было трудно. Махновцы самовольно, партиями снимались с позиции, являлись в ближайший город, заезжали в любой двор и открывали невероятный, дикий кутеж, привлекая участвовать в нем всех, кто подворачивался под руку, открывая тут же во дворе или на улице, ради своего развлечения, пулеметную стрельбу. Ни один двор или дом не был гарантирован от подобного налета, а это вызывало озлобление. Махновцы не признавали над собой никакой власти и ни с чем не считались. Вечно пьяные, покрытые паразитами, страдая кожными и другими болезнями, разнося всюду заразу, они беспомощно гибли, но на их место спешили попасть те, для которых единственным идеалом была праздная и пьяная жизнь.

Именно этот элемент наводил ужас на все городское население, а из деревень их часто выпроваживали пулеметным и даже артиллерийским огнем...

Основное ядро махновской армии крестьяне иначе и не называли, как ироническим «ракло», и только себя считали настоящими махновцами. Кадровых махновцев можно было определить по их шутовским, чисто маскарадным запорожским костюмам, где цветные дамские чулки с трусиками уживались рядом с богатыми шубами.

Крестьянские же полки по внешнему виду ничем не отличались от крестьян. Правда, крестьяне тоже выпивали, но это не были махновские кутежи и, наконец, их, по-видимому, никогда не оставляли хозяйственные заботы, а также исход борьбы, которая велась на их родных полях.

Симпатии крестьян были на стороне Махно, и если с коренным махновцем можно было вести любой разговор с самой злой критикой Махно, то за один неодобрительный отзыв о Махно при крестьянине-махновце можно было ждать смерти. Крестьяне не смешивали Махно с его вольницей и терпели последнюю лишь в силу необходимости и часто самосудом расправлялись с наиболее надоевшими и буйными махновцами.

Фактически в городах, занятых Махно, власть проводилась через комендантов города, они не имели достаточной силы, чтобы воспрепятствовать буйству и грабежу «кадровых» махновцев. Коменданты выдавали пропуска для передвижений жителей в районе, занятом Махно, они же арестовывали и судили.

В Бердянске мне пришлось наблюдать картину махновского суда. На площадке против комендатуры собралось человек 80–100 махновцев и толпы любопытных. На скамейку поднялся комендант города, молодой матрос, и объявил:

– Братва! Мой помощник Кушник сегодня ночью произвел самочинный обыск и ограбил вот эту штуку – он показал золотой портсигар. – Что ему за это полагается?

Из толпы 2–3 голоса негромко крикнули:

– Расстрелять...

Это подхватили остальные махновцы, как очевидно привычное решение.

Комендант, удовлетворенный голосованием приговора, махнул рукой, спрыгнул со скамейки и тут же из револьвера застрелил Кушника.

Народный суд кончился, а махновцы, только что оравшие: «расстрелять», довольно громко заявляли: «ишь, сволочи, не поделили»; комендант же, опустив портсигар в карман брюк, не спеша отправился выполнять свои обязанности.

Так в жизни махновской армии уживаются крестьяне-собственники, а рядом уголовная безудержная вольница, которую почему-то все и считают идейными анархистами.

Махно и анархисты

Сам Махно, как и все его организации, на время борьбы считались подчиненными исключительно военно-революционному совету армии. Но это было на бумаге, на деле же руководящую роль в боевых операциях армии играл личный штаб Махно, во главе которого находился всегда пьяный Васильев, так как у махновцев существовало глубокое убеждение, что Васильев проявлял свои воинские таланты лишь в минуты полного опьянения, а потому напаивание Васильева поощрялось всеми, начиная с самого Махно.

В совете Махно заседал весьма редко, удовлетворяясь докладами Волина на дому. Махно предпочитал находиться на передовых позициях, часто принимая непосредственное участие в боях, вызывая восхищение «братвы» артистической стрельбой из пулемета. Это было, с одной стороны, потребностью самой натуры Махно, а с другой – вызывалось и необходимостью личного примера для его недисциплинированных войск.

Постоянные заявления анархиста Волина в речах на митингах и в газетах, что лично Махно никакой власти не имеет и является лишь простым исполнителем указаний коллегии военно-революционного совета, надо рассматривать не более как чисто дипломатическую уступку слишком прямолинейным взглядам находившихся в этом совете анархистов.

На самом деле Махно, через Волина, проводил в жизнь все, что только находил необходимым, вплоть до печатания денежных знаков.

Действительная власть Махно, а не мнимое подчинение его совету, была настолько всеобъемлющая, с чисто диктаторскими замашками, что двойственность власти никаких трений или вредных для дела разногласий между Махно и военно-революционным советом не вызывала...

Совет издавал газеты, из которых две постоянные: «Известия военно-революционного совета армии имени Батки Махно» и «Набат» – партийный орган анархистов.

Совет руководил грабежом и распределением по деревням награбленного, а также решал все вопросы об активных выступлениях армии.

Председателем военно-революционного совета был известный анархист Волин, а членами представители различных социалистических и анархистских партий, сбежавшихся сюда чуть ли не со всей России, большинство коих производило впечатление определенных авантюристов.

Из всех многочисленных отделов военно-революционного совета идеально были поставлены разведывательный, большая часть секретных агентов в котором были женщины, и агитационный, для целей которого были использованы почти все сельские учителя.

Постоянный состав совета доходил до 200 человек, но состав его находился в непрерывном движении и трудно поддавался учету. Во всяком случае, общий состав его можно определить не менее чем в 2000 человек, считая и многочисленных подвижных агентов.

Политическое *stredo* военно-революционного совета, разделяемое молчаливым согласием Махно, сводилось к следующему: коммунистическая партия и все московское правительство считались контрреволюционерами, захватившими власть обманом и ведущими социальную революцию по ложному пути к гибели.

Идеалом махновцев, подлежащим немедленному проведению в жизнь, являлись советы, но построенные без признаков какой бы то ни было власти (очевидно, политической), ведающие чисто экономическими вопросами...

Но вряд ли махновская вольница могла впитать в себя анархические идеи. Волин не раз признавался, что проводимая им идеология дальше членов совета и то только некоторых, слабо воспринимается.

«Братва» шла за Махно не потому, что уверовала в идеалы Волина, а в силу того, что ей была по вкусу полная приключений, буйная и пьяная жизнь.

Волин был, несомненно, самой яркой фигурой среди махновских политических «деятелей». Отвлеченный теоретик, он направлял свою энергию на полемику с Троцким и буквально все номера махновских газет пестрели несколькими статьями, подписанными Волиным, неизменно заканчивавшимися признанием Троцкого вне закона...

Лет пятидесяти, преждевременно состарившийся и поседевший, среднего роста, с беспокойным взглядом, направленным куда-то вдаль, Волин производил своей растрепанной фигурой, мало знакомой с водой, щеткой и гребнем, впечатление человека, только что выскокшего из дома умалишенных.

Преображался Волин лишь в минуты, когда произносил свои блестящие речи, которые крестьяне совершенно не понимали и довольствовались своей упрощенной идеологией, смысл которой сводился к возможности избавиться от властей, осмелившихся требовать от них выполнения государственных повинностей, а также к грабежу городов, называемых ими «возвратом всего того, что городские пауки повытянули у них за прежние годы».

Попытки военно-революционного совета дать работу своему культурно-просветительскому отделу после первых же шагов повели к тому, что отдел раз и навсегда отказался от мысли посылать своих членов к крестьянам, совершенно правильно полагая, что в крестьянской среде подобная работа обречена на полный провал.

Вообще на крестьянский быт анархисты имели очень мало влияния и крестьяне, как и раньше, несмотря на махновскую мобилизацию, участие в боях и грабеже и анархическую агитацию, как только возвращались к себе в село, сразу же обращались в ярых собственников-кулаков и начинали ходить в церковь.

Да и сам Махно, как это ни покажется странным, по-видимому, в угоду крестьянам, не раз во время богослужений заходил в церковь, ничуть не считаясь с авторитетными осуждениями таких поступков Волиным...

В среде наиболее близких к Махно людей, с которыми он держал себя откровенно, не было ни одного анархиста и вообще партийных работников...

* * *

После захвата Крыма и окончания борьбы с Врангелем советская власть, несомненно, поставила себе задачей полную ликвидацию Махно, переговоры с которым о его подчинении советам ни к чему не привели, несмотря на его указания большевистским делегатам, что он, как подлинный революционер, держался нейтрально во время борьбы коммунистов с Врангелем.

Такие объяснения, не удовлетворяя руководителей советской власти по существу, затягивали активное выступление Махно и отсрочивали начало военных действий против него коммунистов, что по условиям крайне суровой зимы 1920–21 г. являлось для обеих сторон необходимым, но в руки советского командования попали точные данные о местонахождении самого Махно и его отрядов.

С наступлением весны 1921 года Махно не замедлил перейти к своим излюбленным коротким налетам. Перед советской властью вставал грозный вопрос о срыве всего продналога на Украине. Медлить дальше с ликвидацией Махно было невозможно, и Фрунзе получил приказ ликвидировать Махно. С этого времени над Махно повисла грозная и ничем уже не предотвратимая гибель.

Фрунзе дальновидно и планомерно хотел затянуть на шее Махно веревку, стараясь постепенно оттеснить его в сторону Донецкого бассейна, но Махно, разгадав его намерение, бросил свой родной район и быстро перенесся к Антонову в Воронежскую губернию, затем

в Орловскую, но здесь он успеха уже не имел, и ему пришлось быстро переброситься через Харьковскую губернию в Херсонскую. К концу лета 1921 года, постепенными маневрами своей многочисленной кавалерии, Фрунзе прижал Махно к Днестру, к румынской границе.

Лично Махно удалось, хотя и легко раненым, перейти границу и скрыться у румын, но зато в Бутырки в Москве попал почти в полном составе военно-революционный совет его армии во главе с самим Волиным, который даже из тюрьмы продолжает кричать о контрреволюционности коммунистической партии.

У румын Махно нашел часть своих военных помощников, перебравшихся туда ранее. Ловкий Козельский, не жалея колоссальных средств, заблаговременно вывезенных в Бессарабию, сумел безопасно и удобно устроить своего батьку, обойдя все неприятности, которым подвергаются интернированные румынами русские. Рана Махно давно залечена, но тяжелые переживания не сломили беспокойной, жаждущей вечных приключений натуры Махно, и румыны имели в своих руках довольно неприятное для советов орудие...

На митингах и в особенности в пьяном виде у Махно очень часто вырывались словечки и фразы, которые никак не подходят под обычный для него тип речей, выдержанных все же в анархическом духе.

На одном из митингов, отвечая на заданный вопрос, Махно ответил:

– В России возможна или монархия или анархия, но последняя долго не продержится...

Печатается с сокращениями по тексту сборника «Историк и современник». Кн. III. Берлин, 1923. С. 151–201.

Пилсудский. Из очерка Марка Алданова

У нас нет оснований относиться с особой симпатией к польскому маршалу. Но как бы мы к нему не относились, в истории Польши Пилсудский связал свое имя с событиями огромного, исключительного значения... Это необыкновенный человек. Необыкновенны и его энергия, и его дарования, и, в особенности, его судьба.

Говорю: в особенности судьба. Пилсудский – *profiteur de la guerre*, разумеется, отнюдь не в грубом и не в вульгарном, а в историческом смысле этого выражения (в таком же, в каком оно может быть отнесено, например, к Людендорфу или к самому Наполеону). Судьба очень легко могла уготовить создателю «боювки» виселицу. Война принесла ему славу, власть, маршальский жезл. Самое же удивительное в участи Пилсудского то, что всего этого он добился, «поставив не на ту лошадь»: случай в истории едва ли не единственный.

I

Иосиф Пилсудский родился в 1867 году в Жулеве. Он принадлежит к литовскому дворянскому роду. Крепкая, дружная семья Пилсудских была проникнута старинными польскими традициями. Пилсудские были богаты: их имение заключало в себе больше восьми тысяч десятин. Но неудачные агрономические затеи отца, затем случившийся в 1874 году пожар очень уменьшили достаток семьи. Она переехала из имения в Вильно. В виленской гимназии и получил воспитание будущий польский диктатор.

Сам Пилсудский говорил, что основное направление его жизни и деятельности дала эта гимназия. Именно из нее он вынес свою ненависть к России. «Во все мое гимназическое время я страдал непрерывно. Много позднее ночные мои кошмары облекались в образ русского учителя...». «Я ненавижу врага и стыдился своего бессилия. Мне так хотелось вредить России...». Как бы то ни было, из гимназии Пилсудский вышел революционером. Он поступил на медицинский факультет Харьковского университета, скоро был исключен за участие в беспорядках и вернулся в Вильно.

Социалистом Пилсудский стал в 1884 году. В семнадцать лет всякие недоразумения допустимы, но это недоразумение несколько затянулось: не более и не менее как на тридцать четыре года. Точную хронологию дает здесь возможность установить одна забавная сценка... В ноябре 1918 года к Пилсудскому явилась делегация польской социалистической партии – и естественно назвала его «товарищем Пилсудским». Маршал, бывший очевидно в хорошем настроении духа, любезно остановил делегатов:

– Господа, я вам не «товарищ», – сказал он. – Мы когда-то вместе сели в красный трамвай. Но я из него вышел на остановке «Независимость Польши», вы же едете до конца к станции «Социализм». Желаю вам счастливого пути, однако называйте меня, пожалуйста, «паном».

Это заявление Пилсудского, впрочем, не мешает многим социалистам (не только польским) по сей день считать и даже называть за глаза Пилсудского товарищем. По словам г. Смогоржевского², Пилсудский гордится тем, что никогда в жизни в глаза не видал «Капитал». Сколь отрицательно ни расценивать историческую роль Карла Маркса, трудно поставить это обстоятельство в особенную заслугу Пилсудскому, тем более, что он ее разделяет с очень большим числом других людей, среди которых немало убежденных марксистов...

В это время одна из последних народовольческих организаций послала в Вильно делегатов с предложением кружку польской молодежи принять участие в покушении на жизнь

² Casimir Smogorzewski. La Pologne restauree. Стр. 324.

Императора Александра III. Кружок виленских революционеров (старшему было, вероятно, лет двадцать) обсуждал это предложение, но колебался, какой дать делегатам ответ. Пилсудский высказался решительно против участия в предлагаемом деле, находя, что поляки вообще не заинтересованы в перемене русского государственного строя.

– Еще неизвестно, что нам дала бы эта перемена, – сказал он. Кружок продолжал колебаться. Впрочем долго колебаться ему не пришлось: о деле стало известно Департаменту полиции. Департамент поступил со свойственным ему эклектизмом: каре были подвергнуты и сторонники, и противники террористического проекта; Пилсудский был в административном порядке сослан в Сибирь, на Лену.

В ссылке он пробыл пять лет. С русским обществом он там не сблизился. Его близкий друг, известный польский (отчасти и русский) писатель Вацлав Серошевский рассказывает, что в Сибири нынешний диктатор «узнал всяких русских, от бродяг до министров». Сам Пилсудский впоследствии говорил: «Все они (русские) более или менее скрытые империалисты. Среди них много анархистов, но, странная вещь, республиканцев между ними я совершенно не встречал». Это действительно странно. С какими русскими министрами можно было познакомиться в ссылке на Лене? И неужели все русские ссыльные и ссыльно-каторжные были монархисты и империалисты?

II

Отбыв ссылку, Пилсудский вернулся на родину. Почти в то же время создалась польская социалистическая партия (P.P.S.). Он сразу же стал одним из ее вождей. Ему и молодой его жене, такой же революционерке, как он, было поручено создать нелегальный орган печати – «Работник». Этот революционный журнал Пилсудский «издавал» в течение нескольких лет. «Работник» по размеру уступал Times'у или Chicago Tribune: Пилсудский его издавал, он же его редактировал, он же писал статьи, он же их набирал, он же печатал и распространял журнал. Типография помещалась в стенном шкафу, а бумага хранилась в диване. «Работник» постоянно переносился из города в город, вместе с ним переезжали и издательство, и редакция. Тридцать пять номеров было выпущено благополучно, но на тридцать шестом в Лодзи журнал постигла неудача. Полиция выследила редактора и нагрянула в типографию как раз в ту самую минуту, когда там набиралась статья «Торжество свободного слова». Быть может, именно это обстоятельство привело в веселое настроение производившего обыск жандармского полковника Гноинского. На радостях он тут же рассказал Пилсудскому анекдот. В царствование Николая Павловича, к главе Третьего Отделения явился уезжавший за границу приятель и спросил, не будет ли какого поручения. «Есть, есть поручение, – ответил будто бы глава полиции. – В Нюрнберге стоит памятник Гутенбергу, изобретателю книгопечатания... Когда будете в этом городе, пожалуйста, плюньте от моего имени в лицо Гутенбергу: всё зло на свете пошло от него». – «Вот, теперь вы видите сами, – сказал веселый полковник, показывая на изъятую из шкапа «типографию», – всё зло от Гутенберга»...

Из Лодзи Пилсудский был перевезен в Варшаву и там заключен в десятый павильон цитадели, куда сажали наиболее важных государственных преступников. Десятый павильон имел особую администрацию и особую кухню. От войск был внутренний пост в коридоре здания у выходных дверей. Дальше по коридорам несли службу жандармы, – ни часовой, ни проверявший его дежурный по караулам не имели права заходить вглубь помещения...

Польская социалистическая партия приняла решение устроить своему вождю побег. Но бежать из десятого павильона считалось невозможным делом. Был выработан искусный план. Пилсудский стал симулировать умопомешательство. Душевные болезни не входили в компетенцию постоянного врача крепости. Начальство пригласило для консульта-

ции первого варшавского психиатра, профессора Шабашникова. Разумеется, Шабашников немедленно признал в заключенном симулянта. После нескольких минут беседы (наедине) он прямо спросил Пилсудского, для чего ведется игра и что, собственно, ему нужно. Узнав в чем дело, Шабашников без колебания написал свидетельство о душевной болезни Пилсудского. «Это был человек большого благородства», – говорит Сигизмунд Клингсланд и, очевидно в объяснение столь странного факта, замечает: «Шабашников был православной веры и его все считали русским; однако, в действительности, он был бурятского происхождения»³.

На основании свидетельства профессора Шабашникова Пилсудский был переведен из Варшавской крепости в Петербургскую психиатрическую больницу. В эту же больницу поступил в качестве ординатора доктор Мазуркевич, член польской социалистической партии. Русский директор больницы исследовал присланного из Варшавы пациента и также без труда обнаружил притворный характер болезни. Директор больницы поступил, как Шабашников: поговорив с Мазуркевичем, он обещал хранить секрет столько времени, сколько это будет нужно «больному». Вероятно, этот директор был тоже бурятского происхождения.

Остальное прошло гладко. В заранее условленный день больной был вызван для исследования в камеру ординатора Мазуркевича. Ординатор отпустил сторожей, Пилсудский переделся в приготовленное для него платье, затем оба неторопливо вышли парадным ходом, сели в экипаж – и исчезли. Пилсудский выехал в Киев, выпустил – упорный человек! – очередной номер «Работника» и отправился за границу.

Он обосновался в Кракове. В этот период его жизни, по-видимому, окончательно оформились и окрепли его взгляды на способы борьбы за освобождение Польши. Виды казались ему благоприятными. Вспыхнула русско-японская война. Пилсудский немедленно отправился в Токио: он предлагал поднять восстание в Польше и просил у правительства микадо помощи оружием и деньгами. Правые политические круги Польши считали этот план нелепым и вредным для польского дела. Одновременно с Пилсудским в Токио оказался Роман Дмовский, его противник и соперник на протяжении трех десятилетий. Два противоположных влияния столкнулись. Японское правительство отказалось поддержать Пилсудского.

Он вернулся в Европу. На смену войны пришла первая русская революция. Весной 1905 года Пилсудский основал боевую организацию польской социалистической партии.

Эту главу биографии знаменитого государственного деятеля мы изложим весьма кратко, – из политической песни можно и выкинуть слово. Впрочем, Пилсудский не отрекается и от этого периода своей жизни. Биограф так определяет задачи группы Пилсудского в тот период: «Боевая организация охраняла партийные квартиры, защищала вождей партии во время уличных манифестаций, уничтожала иногда шпионов, провокаторов и особенно жестоких полицейских деятелей. Наконец, под личным руководством Иосифа Пилсудского она произвела ряд отмеченных неслыханной смелостью нападений на русские почтовые транспорты, в целях добывания средств для движения... Нет ничего постыдного в жизни польского национального героя. В 1905 году Пилсудский состоял в войне с царской Россией. Дела в Рогове, в Мазовецке, в Безданах были блестящими военными действиями».

Из этих дел самым громким была экспроприация в почтовом поезде номер 4, на полустанке Безданы, расположенном в глубоком сосновом бору по 634-й версте от Петербурга. Совершена была эта экспроприация со смелостью, действительно, неслыханной и с такой же точностью в работе: через несколько минут после ее окончания на полустанок вошел поезд Вел. Кн. Михаила Александровича. Подробности Безданского дела можно найти в статьях русских газет от 15-го, 16-го и 17-го сентября 1908 года. Эпитеты, встречающиеся в этих статьях, особенно в газетах консервативных, теперь трудно читать без усмешки. Авторы

³ Klingsland E. Pilsudski. Стр. 45.

едва ли могли думать, что главный руководитель Безданского дела через десять лет станет главой государства и будет обмениваться сердечными телеграммами с королями.

Деятельность «боювки» обманула надежды ее вождя. Насколько я могу судить, она вряд ли отвечала и склонностям его характера. От людей, хорошо его знавших, мне не раз приходилось слышать о благородстве натуры и личной обаятельности Пилсудского. Каким образом он мог участвовать в «блестящих военных действиях» указанного выше рода, мне, признаюсь, остается непонятным. «Идеологические провалы» встречаются и у декабристов, однако у них это была теория. Одно дело кровь в чернильнице, другое – хрипящий в агонии кондуктор поезда, старичок-почтальон с простреленным животом... Разумеется, очень легко сказать: «на войне то же самое». Но никакие метафоры, никакие «*a la guerre comme a la guerre*» из Бездан Аустерлица не сделают... Будем, однако, помнить, что все это Пилсудский совершал, служа по своему разумению Польше, причем не раз и не два, а сто раз ставил на карту и свою голову.

III

Настоящая война приближалась. В последние годы перед ней Пилсудский перенес свою деятельность в Австрию. Под его непосредственным или косвенным руководством в Галиции создались общества по военному обучению польской социалистической и демократической молодежи. Ориентация этих союзов выразилась в следующих словах Пилсудского: «Если в близящейся войне мы не станем на сторону Австрии против России и не образуем при этом собственной армии, мы можем считать себя навсегда вычеркнутыми из списка живых народов». Венское правительство относилось к деятельности Пилсудского благосклонно, однако без особой горячности. Молодежь воспитывалась в идее борьбы с Россией – это было недурно. Но молодежь была что-то уж очень левая и у вождя было прошлое – оно правительству Франца-Иосифа нравилось, должно быть, значительно меньше. Некоторое предубеждение против революционных экспроприации можно с большой вероятностью предположить у восьмидесятилетнего австрийского Императора (если оно есть хотя бы у пишущего эти строки). Одним словом, любви не было, ни взаимной, ни односторонней: с обеих сторон проводился принцип: «постольку – поскольку».

Через несколько часов после объявления войны Пилсудский, во главе небольшого отряда польских добровольцев, перешел русско-австрийскую границу.

Отряд состоял из 159 человек! Пилсудский рассчитывал на то, что в русской Польше десятки, быть может, сотни тысяч человек присоединятся к нему, увидев польское знамя. К нему в действительности не присоединился почти никто. По словам польского публициста К. Сроковского, стрелки Пилсудского вызвали в русской Польше удивление, беспокойство и ужас. «Его постигло страшное разочарование», – говорит Клингсланд. В Галиции воззвание «Временного Комитета» польских партий австрийской ориентации вызвало энтузиазм. Но галицийские поляки (как и русские) подлежали призыву в регулярные войска на общем основании. Из добровольцев, не достигших призывного возраста или через него перешагнувших, было составлено два легиона. Австрийский главнокомандующий эрцгерцог Фридрих назначил Пилсудского командиром первого полка первого легиона. Характерную черту мы находим в самом приказе о назначении. Эрцгерцог, видимо, не знал, как назвать Пилсудского: никакого чина у будущего маршала не было, – медицинский факультет харьковского университета военных чинов не давал. Главнокомандующий назвал полкового командира просто «господином», – вероятно, это единственный случай в истории военных приказов.

Во главе своего отряда Пилсудский первый вошел в Кельце. Поляки сражались превосходно, со свойственной им храбростью. Пилсудский был русский подданный, и для него

плен мог означать расстрел, если не виселицу. Свое испытанное бесстрашие он проявил и в боях. В Кельцах ему пришлось остаться недолго. Русская мобилизация заканчивалась, началось катастрофическое отступление австрийцев. Серьезного военного значения в столкновении миллионных армий легионы, конечно, иметь не могли. В меру сил помогала центральным державам и созданная тогда же Пилсудским «Польска Организация Войскова» (P.O.W.). Она несла тайную разведочную службу и совершала партизанские операции в тылу русской армии, доставляя свои сведения, через германского полковника Зауберцвейга, самому фельдмаршалу Гинденбургу.

Каков был политический расчет Пилсудского? Страстные поклонники маршала уверяют, будто он с самого начала поставил себя определенную цель: помочь центральным державам разгромить Россию, в твердом расчете на то, что потом центральные державы будут разгромлены Францией! С этим, якобы, планом Пилсудский приезжал в феврале 1914 года в Париж, желая заинтересовать и увлечь им вождей французской демократии. К таким утверждениям, разумеется, трудно отнестись серьезно, – вероятно, сам Пилсудский с улыбкой читает иные писанья своих фанатических поклонников... Весьма возможно, что Пилсудский недолюбливал немцев и любил французов и англичан. Но на первом плане у него естественно стояли интересы Польши. По его мнению, победа центральных держав могла повлечь за собой создание польского государства под скипетром Габсбургов, – он поэтому со всей искренностью и присягнул 5 сентября 1914 года Императору Францу-Иосифу Считаясь с необыкновенной импульсивностью натуры Пилсудского, можно многое отнести и на счет его слепой фанатической ненависти к России.

IV

...В Вене виднейшие государственные деятели стояли за так называемый «австро-польский проект», т. е. за включение всей или почти всей Польши в состав Габсбургской Империи. К этому склонялся и сам Император Франц-Иосиф. В начале войны не возражало против такого решения и правительство Вильгельма II...

В ту пору государственные вопросы решались военными людьми. Но и среди них существовали разные мнения. Через военных и вели агитацию – с большим искусством – польские политические деятели. Они уверяли германских и австрийских генералов, что стоит центральным державам восстановить Польшу, как сотни тысяч добровольцев хлынут в армию с разных концов Царства Польского. Им удалось убедить в этом фельдмаршала Безелера, германского генерал-губернатора Варшавы. Фельдмаршал доложил Императору Вильгельму, что провозглашение независимой Польши может дать центральным державам восемьсот тысяч польских солдат. Эта цифра произвела сильное впечатление в военных кругах, – войска были очень, очень нужны. Правда, в обман дались далеко не все генералы. Чрезвычайно недоверчиво отнеслись к плану и к цифрам Безелера и Фалькенгайн, и Гецендорф, и в особенности, памятный нам по Брест-Литовску Макс Гофман, который в своих воспоминаниях чуть не с проклятьями говорит об этой «глупой, несчастной затее». Не слишком верили ей и некоторые штатские политики. Фалькенгайн, начальник генерального штаба, поставил вопрос ребром: не надо нам ни независимой Польши, ни польской армии. Но звезда Фалькенгайна уже закатывалась. С переходом главной квартиры к Людендорфу дело совершенно изменилось. Как ни странно, Людендорф поверил! На восемьсот тысяч добровольцев он не надеялся, но, по его расчету, триста пятьдесят тысяч поляков должны были влиться в германскую армию вслед за провозглашением независимости Польши. Независимость Польши и была торжественно провозглашена 5-го ноября 1916 года. «Освободительный акт всемирного исторического значения» был совершен, преимущественно в целях набора солдат, знаменитым вождем германских националистов и реакционеров.

V

Отношения Пилсудского с немецким командованием были не слишком хороши. В декабре 1914 года Гинденбург запретил легионам пребывание в германской оккупационной зоне («Keine Legionare auf unserem Boden»): они должны были оставаться на территории, занятой австрийцами. Однако после восстановления польского государства германское командование в лице Безелера стало усиленно ухаживать за Пилсудским, очевидно, в тех же целях получения восьмисот тысяч добровольцев. Популярность его среди поляков росла, имя Пилсудского начинала окружать легенда. Пилсудский вошел в состав образованного в Варшаве временного Государственного Совета и был избран председателем военной комиссии...

Началась русская революция. Временное Правительство провозгласило независимость Польши. По-видимому, в отношении Пилсудского к России произошел перелом. Он подумывал даже о том, чтобы на аэроплане перелететь через фронт: по-видимому, он хотел организовать новую армию из поляков, сражавшихся в рядах русских войск. План этот не был осуществлен. Но «пафос» борьбы в союзе с Германией с каждым днем слабел в бурной душе Пилсудского.

Ожидания Безелера не вполне оправдались: вместо восьмисот тысяч польских добровольцев, их явилось 1 373, из которых годными для военной службы оказалось 697. Одураченный Людендорф пришел в ярость. Каким образом старый, опытный воин мог рассчитывать, что после 2 1/2 лет войны, при всеобщей повальной усталости даже в Германии, во Франции, в Англии, Польша даст ему, для сомнительных государственных выгод, сотни тысяч новых солдат, – остается загадкой. Германское командование приписало неуспех своего дела агитации Пилсудского, интригам его подпольных агентов. 21-го июля 1917 года Пилсудский был арестован в Варшаве и отвезен сначала в Данциг, затем в Магдебург.

Лучшей услуги немцы не могли ему оказать.

VI

Он был освобожден из Магдебургской крепости 9 ноября 1918 года, в день германской революции. В «Die Woche» появился огромный портрет Пилсудского. Освободить же его приехал титулованный германский офицер и многосторонний, даровитый писатель, до войны парижанин из парижан, сочинявший балеты для труппы Дягилева, одним словом, очень модный человек, которого, в довершении эффекта, считали (и называли в печати) незаконным сыном чрезвычайно высокопоставленного лица, – в начале ноября 1918 года самого высокопоставленного лица на свете. Офицер этот был переодет в штатское платье и, по словам очевидца, за версту напоминал героя мелодрамы. По его костюму Пилсудский сразу догадался, что произошла революция. Офицер произнес традиционные слова: «Господин Пилсудский, вы свободны!».

Через два дня создатель легионов прибыл в Варшаву. Его встретили как национального героя. «Совет регентства» сложил с себя власть и передал ее Пилсудскому. В качестве временного главы государства он созывал первый польский сейм на основе демократического избирательного закона...

Он достиг цели. Польша была восстановлена. Благодаря необыкновенной своей энергии и, в особенности, благодаря своему необыкновенному счастью, Пилсудский стал вождем воскресшего чудом государства, его национальным героем. Сказка осуществилась.

С гораздо большим правом, чем к герцогу Лозену можно было отнести к Пилсудскому слова Лабрюйера: «Il n'est pas permis de rever comme il a vecu».

Период больших дел, казалось, кончился для Польши. Но перейти от них к делам не столь большим было, по-видимому, нелегко. Это, собственно, и стало главной трагедией Пилсудского. Первоначальный энтузиазм, который он вызывал на родине, понемногу слабел. То же самое случилось с Клемансо, с Лойд-Джорджем, с Вильсоном. Энтузиазм вообще ослабел у всех и ко всему: в течение четырех лет люди, открывая газету, находили в ней мировые события, – от этого приходилось отвыкать. В Польше «священное единение» продолжалось недолго. Первый сейм отнюдь не оправдал надежд Пилсудского. Его многочисленные враги – личные, политические, «классовые» – перешли в наступление. Дмовский, оставленный не у дел по минованию в нем надобности, не скрывал своих чувств в отношении главы государства. «Поклонники Пилсудского, – писал он, – использовали трубы в целях личной рекламы своему вождю и осыпали его похвалами, носившими характер византийской угодливости. Пилсудский уверовал в свою провиденциальную миссию и возомнил себя победителем»...

В 1920 г. польские войска, под командованием Пилсудского, двинулись походом на Киев. По общему отзыву польских исследователей, это была «превентивная» война. Впрочем, наступательных войн в истории никогда не было и не будет: все войны делятся на оборонительные и «превентивные».

Само собою разумеется, превентивная война 1920 года отнюдь не имела целью свержения в России большевистской власти. Если б такова была ее цель, Пилсудский двинулся бы не на Киев и открыл бы военные действия раньше, в ту пору, когда русская добровольческая армия вела успешную борьбу с большевиками. Советский главнокомандующий 1920 года Тухачевский в своей книге о польско-советской войне прямо говорит: «Если бы польское правительство сумело сговориться с Деникиным до его крушения, если б оно не боялось империалистического лозунга "Великая, единая и неделимая Россия", то наступление Деникина на Москву, поддержанное на западе польским наступлением, могло бы для нас кончиться гораздо хуже».

Впрочем, Пилсудский и сам сказал, имея в виду адм. Колчака и ген. Деникина: «Все лучше, чем они. Лучше большевизм!»

Действительной целью войны 1920 года была, конечно, «Польша от моря до моря», или, по крайней мере, некоторое ее подобие. В. Серошевский, близкий друг Пилсудского, цитирует в своей книге его слова: «Белоруссия, Литва, Украина – основы нашей экономической независимости»...

VII

...Война кончилась для Польши хорошо. Однако июльское катастрофическое отступление нанесло удар популярности маршала Пилсудского. Враги приписывали победу действиям прибывшего из Парижа генерала Вейгана⁴ и беспрестанно напоминали о том, что маршал не получил военного образования, да и весь свой опыт командования приобрел лишь на второстепенных должностях. Когда большевики подошли к Варшаве, правые политики потребовали, чтобы Пилсудский сложил с себя командование войсками. Весьма резко отзывались в ту пору о действиях Пилсудского также на западе. Союзные министры, Бонар Лоу, граф Сфорца, заявили с парламентской трибуны, что поход поляков на Киев был печаль-

⁴ Отношения между Вейганом и штабом Пилсудского были весьма холодные (чтоб не сказать больше). Сам Пилсудский рассказывает в своей книге (с. 131), что его начальник штаба ген. Розвадовский сносился с Вейганом посредством письменных дипломатических нот, ибо устные разговоры между ними были «не из самых приятных».

ной ошибкой. Ллойд-Джордж, церемонившийся меньше, беспрестанно повторял в Палате Общин (особенно в своей речи 11 августа), что «поляки сами во всем виноваты», что «польская армия могла бы отразить врага, если бы во главе ее стояли опытные, способные люди», и что «Польша заслужила наказание». На обращенную к союзникам просьбу польского правительства о помощи, глава британского правительства ответил, что, в случае категорического отказа большевиков от перемирия, он посоветует Чехии оказать поддержку полякам. Мильеран прислал Вейгана и тысячу французских офицеров. Однако самая влиятельная из парижских газет писала 10 августа в передовой статье, что если Польша не может больше вести борьбу, то, как ни грустно, ничего не поделаешь: граница между Польшей и Россией в конце концов касается только Польши и России. После отступления большевиков тон везде переменялся. Но, по принятому выражению, «остался осадок». И даже очень густой осадок.

Остался он и во внутренних польских делах. С самого создания польской конституции началась глухая упорная борьба Сейма с Пилсудским. Глава государства вел себя конституционно. Кабинеты сменялись беспрестанно. Кажется, были испробованы все возможные парламентские комбинации. Однако Пилсудский, видимо, все больше тяготился ролью конституционного главы государства. Каковы были тогда его планы и цели, сказать трудно. Еще труднее, пожалуй, сказать это теперь.

В 1922 году маршал отказался выставить свою кандидатуру на пост президента республики. Вместо него, не очень значительным большинством, был избран его друг и соратник Нарутович. На улицах столицы произошли беспорядки. Через несколько дней новый глава государства был убит правым фанатиком Неведомским. Призрак гражданской войны показался на мгновение в Варшаве. Власть постепенно сосредоточилась в руках врагов или недоброжелателей Пилсудского. С приходом к власти правого кабинета маршал, занявший было должность начальника генерального штаба, демонстративно подал в отставку и удалился на покой, поселившись в Сулеювке, под Варшавой, на вилле, подаренной ему легионерами.

VIII

Он ушел в частную жизнь, играл в шахматы, воспитывал дочерей, писал исторические работы. Но, видимо, частная жизнь несколько его тяготила... Ежегодно в день именин маршала к нему съезжались офицеры, служившие прежде под его начальством. Говорились порою политические речи, не очень совместимые с понятиями воинской дисциплины. Число недовольных все росло в Польше. Курс польской валюты упорно понижался.

В ноябре 1925 года Пилсудский, в очень торжественной обстановке, выехал из Сулеювки в Бельведер и от имени армии заявил президенту республики Войцеховскому, что генерал Сикорский не должен занимать пост военного министра. Польша изумилась – и не без основания: представим себе, что во Франции Жоффри приехал бы с подобным отводом к Думергу! Требование маршала было исполнено – это не увеличило престижа власти. На следующий день 415 офицеров явились к Пилсудскому; от их имени генерал Орлич-Дрешер произнес речь: «Знай, маршал, что мы пришли не для пустых любезностей: кроме благодарных сердец мы несем тебе и наши шпаги!...» Правительство проглотило и это – такая власть может считать себя обреченной.

10 мая 1926 года, в строгом соответствии с законами парламентской механики, в Польше образовался новый – который по счету? – правый кабинет во главе с Витошем. На следующий день в «Курьере Поранном» появилось интервью Пилсудского. Маршал называл нового министра-президента бесчестным и продажным человеком. В интервью были угрозы. Правые газеты в экстренном выпуске сообщили о возбуждении «судебного преследования против клеветника». Прошел слух о том, что какие-то злоумышленники пытались

проникнуть в Сулеювек и убить бывшего главу государства. А еще через несколько часов понесся по миру другой слух: маршал Пилсудский во главе нескольких полков кавалерии идет на Варшаву! Печать в дружественных державах растерялась: официозы сокрушенно забормотали о мятежном генерале. Впрочем, бормотали на всякий случай с оговорками: «с одной стороны»... «но с другой стороны»...

Слух был совершенно верен. В правительственных кругах Варшавы произошло невероятное смятение. В польской армии, как во всех армиях мира, правые настроения преобладали над левыми. Однако хитрый мужичок Витош большого престижа не имел. Дмовский был в Лондоне. Верные полки находились далеко, в Познани. В столице надежных войск не было. Наше Временное Правительство защищали 25 октября юнкера. На защиту последнего парламентарного правительства Польши были брошены кадеты. 17–18-летние воины заняли оба моста на Висле, – к ним со стороны Праги уже подходили уланы Пилсудского. Было объявлено осадное положение. Защиту парламентского строя взял на себя сам глава государства, человек мужественный и убежденный. Президент Войцеховский выехал на автомобиле навстречу маршалу Пилсудскому. Встреча произошла на мосту Понятовского, в совершенно оперной обстановке. С обеих сторон моста стояли вооруженные люди. Спешно подвозились пушки и пулеметы. Особенностью картины было присутствие журналистов. Войцеховский прошел по мосту и спросил первого уланского офицера:

– Знаете ли вы, что я президент Польской республики?

Офицер ответил, что знает.

– Как же вы решаетесь восстать против законного избранного главы государства, против верховного вождя всех вооруженных сил Польши?

На это офицер ничего не ответил. На мост уже всходил маршал Пилсудский. По словам очевидца (г. Смогоржевского), он весело улыбался. Не подавая ему руки, президент сказал громко:

– Господин маршал, над вами тяготеет страшная ответственность. Республиканское правительство, защищая конституцию, не уступит вашему мятежу. Предписываю вам немедленно увести войска.

Маршал ответил шутливым тоном:

– Дорогой президент, очень охотно. Уберите правительство Витоша, тогда мы посмотрим.

– Нет! Это законное правительство!

– В таком случае я сам его уберу.

– Подумайте! Вы восстаете против конституции.

– Я уже подумал. Я – первый маршал Польши. Я сделаю то, что хочу!

– Нет, мы вам помешаем! Это вам говорю я, президент республики!..

Эффектный диалог мог бы продолжаться долго. Но Пилсудский его оборвал не менее эффектно. Произошло повторение знаменитой сцены обращения «человека судьбы», вернувшегося в острова Эльбы, к высланным против него французским войскам: «Солдаты! Кто из вас хочет убить Императора Наполеона?!..» Маршал Пилсудский быстро подошел к одному из сопровождавших президента кадет и спросил его в упор:

– Решишься ли ты стрелять в первого маршала Польши?

По словам г. Смогоржевского, «юноша побледнел и не ответил. Однако в глазах кадет маршал мог прочесть, что они исполняют свой долг. Он круто повернулся и, никому не кланяясь, медленно прошел назад по мосту, по направлению к Праге».

Вслед за этим начался бой. Его результат легко было предвидеть. Кадеты были сбиты с моста и отошли на Уяздовскую аллею, ведущую к Бельведеру.

Им на помощь уже приходили настоящие полки. Президент республики лично напутствовал в бой и ободрял речами солдат. Но и войска Пилсудского получили сильные под-

крепления. Завязалась ожесточенная битва. На улицах Варшавы действовали пулеметы, броневики, даже танки. Правительственные здания брались штурмом. В залах министерства иностранных дел шел бой холодным оружием, рвались ручные гранаты. Убитые и раненые исчислялись сотнями. Удивительной чертой этих кровавых дней было то, что на местах сражения беспрестанно выходили экстренные выпуски газет. События, действительно, очень нуждались в разъяснении. Правые, даже реакционные, газеты призывали поляков встать на защиту республики и парламентского строя. Левые органы печати восхваляли военный переворот диктатора. «Работник» уж кстати, очень находчиво, потребовал установления «рабоче-крестьянского правительства во главе с Пилсудским».

Под вечер пронесся ложный слух о приближении познанских полков во главе с генералом Галлером, военный авторитет которого правые противопоставляли авторитету Пилсудского. Но в Варшаве победа уже склонялась на сторону войск маршала. В ночь на 14 мая начались приготовления к штурму Бельведера. Президент республики велел отслужить панихиду по погибшим защитникам республики, затем выехал из дворца и послал председателю Сейма заявление о своей отставке. Через полчаса после этого к Варшаве подошла верная правительству померанская дивизия. Но уже было поздно. Всё в таких делах определяется случаем, – я видел июльские дни, октябрьский переворот 1917 года... В гражданской войне не надо опаздывать, даже на полчаса.

В дружественных иностранных официозах в срочном порядке писались статьи: «... Законные требования доблестного полководца получили удовлетворение... Все искренние друзья Польши с радостью прочтут» и т. д. Писали, опять-таки, не без оговорок, – нелегка участь официозов: что, в самом деле, если из Познани придет генерал Галлер!..

IX

Генерал Галлер не пришел. Победа была полная. Национальное собрание значительным большинством избрало Пилсудского президентом республики. Иностранные друзья радостно поздравляли «мятежного генерала». Пилсудский отклонил предложенный ему пост и без особой горячности благодарил иностранных друзей. По собственному его признанию, маршал испытывал тяжкую моральную усталость, – довольно редкое последствие победоносного переворота. 18-е брюмера далось ему нелегко: он тогда не был, как Наполеон, демократом в насмешку.

Фридрих II советовал сначала заботиться о военных успехах дела, а лишь потом об его моральном и юридическом оправдании: нанять философов и юристов никогда не поздно. Пилсудскому цинизм всегда был чужд. Он со всей искренностью искал оправдания пролитой крови несчастных кадетов. Возможно, что отсюда и пошел его нынешний душевный надлом. Формально диктатура установлена не была. По словам маршала Пилсудского, он хотел сделать «последнюю попытку править народом без кнута». Очень придиричивый критик, оценивая эти слова о последней попытке, мог бы, пожалуй, заметить, что не стоило пятьдесят лет так страстно проклинать «кнут проклятого царизма». Но и без придиричивости к словам, без чрезмерного политического формализма, следовало осмыслить майский переворот, а с ним и всю жизнь Пилсудского. По утверждению польских публицистов, сочувствующих перевороту, его причиной был финансовый кризис и «коррупция». Валюта действительно падала. Но ведь и франк падал, а о марке и говорить нечего. Нам со стороны казалось, что воссозданное чудом государство с честью преодолевает всякие трудности своих первых лет. Военный переворот – очень неожиданное и ненадежное средство для поднятия валюты. «Коррупция»? Мы все у Иловайского читали о разных странах, в которых на смену государственному строю, отмеченному «падением нравов», приходил другой государственный строй, очевидно нравы поднимавший. Французскую революцию тоже объясняли падением

нравов. Что и говорить, очень нехороши были нравы при последних Людовиках. Но при Директории они лучше не стали. Нравы улучшаются в пределах долгих десятилетий посредством воспитательной работы над молодыми поколениями. Пилсудский – бесспорно честный человек, бессребреник, оставшийся бедняком на старости лет. Однако нам равно трудно поверить и тому, что все его предшественники были люди нечестные, и тому, что майский переворот искоренил в стране «коррупцию». Переворот был как переворот: группа, стремившаяся к власти, пришла на смену группе, не желавшей с властью расставаться...

Очень скоро после майского переворота он отправился с визитом в Несвижский замок князя Альбрехта Радзивилла, и там Радзивиллы, Потоцкие, Любомирские, Чарторыйские чествовали его пышным банкетом. Заговорили о кандидатуре маршала на престол. Князь Януш Радзивилл в своей речи напомнил о старинном дворянском роде Пилсудских. Монархическая газета «Слово» на первой странице многозначительно поместила рядом два огромных портрета: слева Станислав Август Понятовский (последний король Польши), справа – маршал Иосиф Пилсудский... За несколько месяцев до того «Работник» выдвигал его кандидатуру на должность главы «рабоче-крестьянского правительства»! Сложная вещь политика...

Пилсудский как-то сказал французскому писателю Тьебо-Сиссону: «Моя политическая программа? У меня ее нет... Каждый из моих соотечественников ждет от меня дел прямо противоположных тем, которых требует его сосед. Как всех удовлетворить? Надо хитрить, лавировать, тщательно скрывать то, что думаешь. От меня ждут поворота вправо: я уйду налево. Ждут уклона влево, я уйду направо. Я нападаю на противника врасплох. Это не политическая, а военная игра».

Игра действительно военная. Но на войне противник дан заранее и цель ясна: надо разбить противника. В политике не так всё ясно – прежде всего, следует твердо себе выяснить: кто враги, кто друзья, что делать с врагами и что вообще делать? Но Пилсудский, человек очень умный, волевой и даровитый, просто перенес в политику довольно ей чуждые методы стратегии. Отказ от должности главы государства после удачного переворота и благополучного избрания на эту должность, манифестация в Несвижском замке тотчас вслед за военным союзом с социалистами – всё это проявления той же непонятной тактики: уклон влево, когда ждут уклона вправо, – уклон вправо, когда ждут уклона влево. Ни в одном другом государственном деятеле душевное раздвоение не сказывается так сильно, как в нем. Резкая перемена взглядов – самое обычное дело в политике. Но в маршале Пилсудском живут одновременно самые разные, как будто несовместимые, настроения. По-видимому, сейчас над всем у него преобладает ненависть к парламентаризму и воля к единоличной власти. Польский Гамлет убил своего друга Лаэрта, – не знаю, очень ли он по нему плачет.

По-настоящему же Пилсудский, я думаю, любил и любит только борьбу, в особенности ее вековую форму: войну. В своей книге «1920-й год» он называет военное дело «божественным искусством, которое тысячелетиями отмечало вехи в истории человечества». Старый Мольтке когда-то сказал нечто в этом роде, и за это его пятьдесят лет упорно, со вкусом, грызла пацифистская литература. В настоящее время ни один государственный деятель, быть может, даже ни один военный в мире не решился бы сказать о «божественном искусстве войны» то, что сказал основатель польской социалистической партии.

Этот человек жил для Польши, для войны, для славы, – отвожу Польше первое место. Пилсудский сорвался со страниц исторических романов Сенкевича. Он последний пан Володыевский, ныне вступивший в эпоху, когда Володыевским нечего делать. Если б вспыхнула новая война, если б началась коммунистическая революция, никто, вероятно, не мог бы заменить Польше Пилсудского. Но в Гладстоны и Линкольны он явно не годится...

Печатается с сокращениями по тексту книги: Марк Алданов. Портреты. Берлин, 1931. С. 5–54.

Котовский. Из книги Романа Гуля «Красные маршалы»

5

Бессарабский Карл Мор

В 1887 году в местечке Ганчешти Кишиневского уезда Бессарабской губернии, в семье дворянина инженера Котовского родился мальчик Гриша – будущий известный вождь красной конницы. Семья Котовского небогатая, отец служил на винокуренном заводе в имении князя Манук-Бея, жалованье небольшое, а у Котовского пять человек детей. К тому же вскоре в дом вошло и несчастье: когда будущему красному маршалу исполнилось два года, умерла мать.

Григорий Котовский был нервным зайкой-мальчиком. Может быть, даже тяжелое детство определило всю сумбурную, разбойничью жизнь. В детстве страстью мальчика были спорт и чтение. Спорт сделал из Котовского силача, а чтение авантюрных романов и захватывающих драм пустило жизнь по фантастическому пути.

Из реального училища Котовский был исключен за вызывающее поведение. Отец отдал его в сельскохозяйственную школу. Но и сельское хозяйство не увлекло Котовского, а когда ему исполнилось 16 лет, внезапно умер отец и, не кончив школы, Котовский стал практикантом в богатом бессарабском имении князя Кантакузина.

Здесь-то и ждала его первая глава криминального романа, ставшего жизнью Григория Котовского. Разбой юноши начался с любви.

В статного красавца, силача-практиканта влюбилась молодая княгиня. Полюбил ее и Котовский. И все развернулось по знаменитому стихотворению – «Не гулял с кистенем я в дремучем лесу...».

О любви узнал князь, под горячую руку арапником замахнулся на Котовского. Этого было достаточно, чтобы ненавидящий князя практикант бросился на него и ударил. Князь отмстил Котовскому тем, что дворня связала практиканта, избила и ночью вывезла, бросив в степи.

Вся ненависть, вся страстность дикой природы Котовского вспыхнула и, вероятно, недолго рассуждая, он сделал шаг, определивший всю дальнейшую жизнь. Котовский убил помещика и, подпалив имение, бежал.

Через двадцать пять лет Котовский стал почти что «членом правительства России», а княгиня Кантакузина эмигранткой, продавщицей в ресторане «Русский трактир» в Америке. Тогда это было невообразимо. Корабли к мирной жизни у Котовского были сожжены. Да, вероятно, он и не хотел ее никогда. Ненависть к помещику в практиканте Котовском смешалась с ненавистью к помещикам, к «буржуям», а дикая воля подсказала остальное.

Скрываясь в лесах, Котовский подобрал двенадцать человек крестьян, пошедших с ним на разбой; тут были и просто отчаянные головы, и беглые профессионалы-каторжники. Всех объединила воля и отчаянность Котовского. В самое короткое время банда Котовского навела панику на всю Бессарабию. И газеты юга России внезапно записали о Котовском точно так же, как Пушкин писал о Дубровском: «Грабительства, одно другого замечательнее, следовали одно за другим. Не было безопасности ни по дорогам, ни по деревням. Несколько троек, наполненных разбойниками, разъезжали днем по всей губернии, останавливали путешественников и почту, приезжали в села, грабили помещичьи дома и предавали их огню.

⁵ © Роман Гуль, наследники.

Начальник шайки славился умом, отважностью и каким-то великодушием. Рассказывали о нем чудеса...»

Действительно, необычайная отвага, смелость и разбойная удаля создали легенды вокруг Котовского. Так в 1904 году в Бессарабии он воскресил шиллеровского Карла Мора и пушкинского Дубровского. Это был не простой разбой и грабеж, а именно «Карл Мор». Недаром же зачитывался фантазиями романов и драм впечатлительный заика-мальчик.

Но исполняя эту роль, Котовский иногда даже переигрывал. Бессарабских помещиков охватила паника. От грабежей Котовского более нервные бросали имения, переезжая в Кишинев. Ведь это был как раз 1904 год, канун первой революции, когда глухо заволновалась, загудела русская деревня.

То Котовский появляется тут, то там. Его видят даже в Одессе, куда он приезжает в собственном фаэтоне, с неизменными друзьями-бандитами – кучером Пушкаревым и адъютантом Демьянишиным. За Котовским гонятся по пятам, и все же Котовский неуловим.

В бессарабском свете «дворянин-разбойник Котовский» стал темой дня. Репортеры южных газет добавляли к былям небылицы в описании его грабежей. Помещики подняли перед властями вопрос о принятии экстренных мер к поимке Котовского. Помещичьи же жены и дочери превратились в самых ревностных поставщиц легенд, окружавших ореолом «красавца-бандита», «благородного разбойника».

Полиция взволновалась: уже были установлены связи Котовского с террористическими группами эсеров. По приказу кишиневского губернатора за Котовским началась невероятная погоня. И все же рассказы о Котовском в бессарабском свете, полусвете, среди «шпаны» и биндюжников только множились. Это происходило потому, что даже в английских детективных романах грабители редко отличались такой отвагой и остроумием, как Котовский.

Арестованных за аграрные беспорядки крестьян полиция гнала в Кишиневскую тюрьму, но в лесу на отряд внезапно налетели котовцы, крестьян освободили, никого из конвойных не тронули, только в книге старшего конвойного осталась расписка: «Освободил арестованных Григорий Котовский».

Под Кишиневом погорела деревня. А через несколько дней к подъезду дома крупного кишиневского ростовщика подъехал в собственном фаэтоне элегантно одетый, в шубе с бобровым воротником статный брюнет с крутым подбородком.

Приехавшего барина приняла в приемной дочь ростовщика.

– Папы нет дома.

– Может быть, вы разрешите мне подождать?

– Пожалуйста.

В гостиной Котовский очаровал барышню остроумным разговором, прекрасными манерами, барышня прохотала полчаса с веселым молодым человеком, пока на пороге не появился папа. Молодой человек представился:

– Котовский.

Начались истерики, просьбы, мольбы не убивать. Но джентльмен бульварного романа Г. И. Котовский никогда не срывается в игре. Он успокаивает дочку, бежит в столовую за стаканом воды. И объясняет ростовщику, что ничего ж особенного не случилось, просто вы, вероятно, слышали, под Кишиневом сгорела деревня, ну, надо помочь погорельцам, я думаю, вы не откажетесь мне немедленно выдать для передачи им тысячу рублей.

Тысяча рублей была вручена Котовскому. А, уходя, он оставил в лежавшем в гостиной на столе альбоме барышни, полном провинциальных стишков, запись: «И дочь и отец произвели очень милое впечатление. Котовский».

Легенды ширились...

Помещик Негруш хвастался среди кишиневских знакомых, что не боится Котовского: у него из кабинета проведен звонок в соседний полицейский участок, а кнопка звонка на полу. Об этом узнал Котовский, и очередная игра была сыграна. Он явился к Негрушу среди бела дня за деньгами. Но для разнообразия и юмора скомандовал не руки, а

– Ноги вверх!

Котовский ценил юмор и остроумие и в других. В налете на квартиру директора банка Черкес он потребовал драгоценности. Госпожа Черкес, желая спасти нитку жемчуга, снимая ее с шеи, словно в волнении так дернула, что нитка порвалась и жемчуг рассыпался. Расчет был правилен: Котовский не унижится ползать за жемчугом по полу. И Котовский подарил госпожу Черкес улыбкой за остроумие, оставив на ковре ее жемчужины.

Ловкость, сила, звериное чутье сочетались в Котовском с большой отвагой. С собой он владел даже в самых рискованных случаях, когда бывал на волос от смерти. Это, вероятно, происходило потому, что «дворянин-разбойник» никогда не был бандитом по корысти. Это чувство было чуждо Котовскому. Его влекло иное: он играл «опаснейшего бандита» и играл, надо сказать, мастерски.

В Котовском была своеобразная смесь терроризма, уголовщины и любви к напряженности струн жизни вообще. Котовский страстно любил жизнь – женщин, музыку, спорт, рысаков. Хоть и жил часто в лесу, в холоде, под дождем. Но когда инкогнито появлялся в городах, всегда – в роли богатого, элегантно-одетого барина и жил там тогда широко, барской жизнью, которую любил.

В одну из таких поездок в Кишинев Котовский, выдавая себя за херсонского помещика, вписал несколько сильных страниц в криминальный роман своей жизни. Этот господин был прирожденным «шармёром», он умел очаровывать людей. И в лучшей гостинице города Котовский подружился с каким-то помещиком так, что тот повез Котовского на званый вечер к известному магнату края Д. Н. Семигравову.

Если верить этому полуанекдотическому рассказу, то вечер у Семигравова протекал так: на вечере – крупнейшие помещики Бессарабии – Синадино, Крупенские с женами и дочерьми. Но неизвестный херсонский помещик все же привлек общее внимание: он умен, весел, в особенности остроумен, когда зашел разговор о Котовском.

– Вот попадись бы он вам – было бы дело! Задали бы вы ему трёпку! – хохочет Синадино, с удовольствием оглядывая атлетическую фигуру херсонского помещика.

– Да и я бы угостил этого подлеца, – говорит хозяин Семигравов.

– А в самом деле, как бы вы поступили? – спрашивает Котовский.

– У меня, батенька, всегда заряженный браунинг, нарочно для него держу. Раскроил бы голову, вот что!

– Правильная предосторожность, – говорит Котовский.

И в ту же ночь, когда разъехались гости, на квартиру Семигравова налетели котовцы, проникли в квартиру бесшумно, грабеж был большой, унесли дорогой персидский ковер, взяли даже серебряную палку с золотым набалдашником – «подарок эмира Бухарского» хозяину. А на заряженном браунинге, в комнате спавшего хозяина, Котовский оставил записку: «Не хвались идучи на рать, а хвались идучи с рати».

Рассказывают, что именно этот «скверный анекдот» и переполнил чашу терпенья полиции. Губернатор, узнавши, что у Семигравова на вечере пил и ел сам Котовский, разнес полицию. Дело поимки Котовского было усилено. Вместе с приставом 2-го участка Хаджи-Коли Котовским занялся помощник полицмейстера Зильберг. За указание следа Котовского объявили крупную награду. Хаджи-Коли был хорошим партнером Котовскому, и между ними началась борьба.

В этой борьбе-игре, могшей в любую минуту Котовскому стоить жизни, Котовского не оставляла ни удаля, ни юмор разбойника. Когда по Кишиневу разнесся слух, что налет на

земскую психиатрическую Костюженскую больницу, где были убиты сторож и фельдшер, – дело рук Котовского, последний опроверг это самым неожиданным образом.

На рассвете у дверей дома Хаджи-Коли вылез из пролетки человек и позвонил. Пристав поднялся в ранний час, заспанный, отворил дверь.

– Хаджи-Коли, я Котовский, не трудитесь уходить и выслушайте меня. В городе распространяется подлая ложь, будто я ограбил Костюженскую больницу. Какая наглость! На больницу напала банда, работавшая вместе с полицией. Обыск у помощника пристава вам откроет все дело.

И перед оцепеневшим полураздетым Хаджи-Коли Котовский быстрыми шагами подошел к пролетке, а его кучер вихрем дунул от квартиры пристава.

Расследование, произведенное по указанию Котовского, действительно раскрыло дело об ограблении больницы.

Яростная ловля Котовского Зильбергом и Хаджи-Коли не прекращалась. За шайкой Котовского по лесам гоняли сильные конные отряды. Иногда нападали на след, происходили перестрелки и стычки котовцев с полицией, но все же поймать Котовского не удавалось.

То на то, то на другое имение налетал Котовский с товарищами, производя грабежи. К одной из помещичьих усадеб подъехали трое верховых. Вышедшему на балкон помещику передний верховой отрекомендовался:

– Котовский. Вероятно, слышали. Дело в том, тут у крестьянина Мамчука сдохла корова. В течение трех дней вы должны подарить ему одну из ваших коров, конечно, дойную и хорошую. Если в три дня этого не будет сделано, я истреблю весь ваш живой инвентарь! Поняли!?

И трое трогают коней от усадьбы. Страх помещиков перед Котовским был столь велик, что никому и в голову не приходило ослушаться его требований. Вероятно, и в этом случае крестьянин получил «дойную корову».

Напасть на след Котовского первому удалось Зильбергу. Меж Зильбергом и Хаджи-Коли шла конкуренция – кто поймает гремящего на юге России бандита? С отрядом конных стражников Зильберг налетел на шайку Котовского. Но Котовский с полицейскими вел настоящую войну. И в результате стычки не Котовский, а Зильберг попал в плен.

Вероятно, Зильберг считал себя уже мертвецом. Но в который раз Котовский сделал «эффектный жест». Он не только отпустил Зильберга с миром, но подарил ему, якобы, еще ту самую «серебряную палку с золотым набалдашником», которую украли котовцы у Семиградова после знаменитого вечера. Только, отпуская Зильберга, Котовский взял с него «честное слово», что он прекратит теперь всякое преследование.

Конечно, это было нереально. Прекратить преследование Котовского вряд ли мог и хотел Зильберг. Да к тому же Зильберг верил, что во второй раз в плен к Котовскому он, вероятно, не попадет. Но Котовский любил «широкие жесты благородного разбойника» – и только остроумничал и хохотал, отпуская Зильберга, уносящего серебряную палку – «подарок эмира Бухарского».

Но не прошло и месяца, как Зильберг, конкурируя с Хаджи-Коли, схватил потрясателя юга России, героя 1001 уголовных авантюр и политических экспроприации. Через провокатора М. Гольдмана Зильберг устроил Котовскому в Кишиневе конспиративную квартиру и на этой квартире схватил и Котовского и его главных сподвижников.

Правда, не прошло года, как котовцы убили Гольдмана, но сейчас весть о поимке Котовского печаталась уже в газетах как сенсация: *Котовский пойман и заключен в Кишиневский замок!*

Тюрьмы, Нерчинская каторга, смертный приговор

Высокой каменной стеной опоясан Кишиневский тюремный замок. Вокруг стен снаружи и внутри каждые сорок метров – часовые. В здание тюрьмы ведут тройные тяжелые железные ворота с маленькими волчками. Всё – крепко замкнуто. Не убежать, а подумать о побеге из кишиневского замка трудно. Но заключенный в высокую башню замка Котовский шагнул – три шага вперед, три назад, – распевая густым мощным басом старую тюремную песню: «Не ваше дело часового, вам на часах должно стоять, а наше дело удалое, как бы из замка убежать...». Это было обдумывание плана первого побега.

Не один раз и не из одной тюрьмы бежал Котовский. И каждый его побег – глава романа Конан Дойля. Мощный, атлетически сложенный, необычайной физической силы и железной воли человек, Котовский выдумывал самые фантастические, «нахальные», как называл он, планы побегов. Дело было не только в том, чтобы бежать, но бежать так, чтобы «вся Россия» заговорила о побеге Котовского. «Эффект» любил неудержимый анархист-разбойник.

Первый план побега был таков. Котовский решил:

– разоружить всю тюремную охрану, захватить в свои руки тюрьму, вызвать по телефону товарища прокурора, полицмейстера, жандармских офицеров, всех здесь арестовать, вызвать конвойную команду, обезоружить ее и потом, имея в распоряжении одежду арестованных и конвойных, инсценировав отставку большого этапа из Кишинева в Одессу, захватить поезд и уехать на нем из города. По дороге же скрыться с поезда всей тюрьмой.

Более невероятный и несбыточный план, наверное, никому никогда не приходил в голову... Этим планом Котовский сумел поделиться с товарищами по тюрьме. И 4 мая 1906 года все пошло по приказу атамана. Во время прогулки по двору тюрьмы двое не пошедших на прогулку котовцев постучались в своих одиночках, прося вывести в уборную. Когда надзиратель выпускал их, котовцы набросились на него и обезоружили. Так был приобретен первый револьвер. Как приказывал Котовский, бандиты бросились ко второму надзирателю в другой коридор. И под направленным на него дулом револьвера сдался и второй надзиратель.

Двух надзирателей, сопровождавших арестантов на прогулке, по сигналу Котовского схватили, заманив в карцер. Все шло, как нужно. Котовского отомкнули и он спускался с башни по внутренней лестнице во двор, чтобы разыграть самое главное.

Выбежав во двор, размахивая газетой, Котовский кричал по-молдавски, вызывая на двор тюрьму: «Эггей, манафес, манафес!» – Бандиты бегали по коридорам, крича, что вышел манифест об освобождении всех. Тюрьма высыпала во двор. Высунувшегося было из корпусных ворот привратника Котовский схватил за горло, у него отняли ключи.

Но дальнейшее проведение плана сорвалось. В тюрьме поднялась суматоха. Несколько арестантов, воспользовавшись ей, бросились к стене и, перемахнув через нее, побежали куда глаза глядят. Наружные часовые сразу открыли по ним стрельбу, Котовский понял, что фантастический план сорван, но решил идти напролом. Он метался по двору, крича, зовя арестантов и во главе тюрьмы бросился штурмовать уже вторые ворота замка.

С гиком и криком арестанты сорвали вторые ворота, но у третьих на арестантов бросились солдаты наружного караула. Котовского ранили в руку штыком. Арестантов оттеснили во двор тюрьмы. Одни, видя поражение, кинулись назад в камеры. Другие забаррикадировались в коридорах. Держа перед собой два револьвера, забаррикадировавшись в своей башне, герой невероятного плана на крики «сдавай оружие!» – отвечал:

– Сдам только, если губернатор приедет и даст слово, что не будет избиения!

Извещенный о бунте губернатор приехал в тюрьму. Тюремный скандал властям был неприятен. Котовскому дали слово, что избиения не будет, и сдавший оружие Котовский должен был считать, что «нахальный» план побега всей тюрьмой не удался.

Нещадно ругал Котовский тюремную «шпану», сволочь «уголовников-Иванов», сорвавших план, и следующий план решил ставить, учитывая только свою фантазию и свои личные силы.

На этот раз побег удался. Правда, этот побег был уже смесью романов Конан Дойля с романами Вальтера Скотта. Ореол «благородного разбойника», красавца «шармёра» давно имелся у Котовского, и в осуществлении второго плана сыграла заглавную роль светская женщина, любившая Котовского и его ореол. Уже несколько раз жена видного административного лица в городе посещала в тюрьме Котовского. Свидания невинны. И помощник начальника тюрьмы Бебелло даже начал отходить от правил свиданий. А любившая Котовского женщина пошла на преступление, рискнув всем: положением мужа, своим, быть может, даже тюрьмой для себя.

Она передала Котовскому начиненные опиумом папиросы, дамский браунинг, пилку и тугую шелковую веревку, запеченные в хлебе.

Побег удался.

Но не сразу, а долго и тонко соблазнял Котовский надзирателя Бадеева папиросами. И соблазнил. Глубокой ночью, при заснувшем в коридоре Бадееве, Котовский перепилил две решетки, выгнул их наружу и, прикрепив шелковую веревку светской дамы, стал спускаться во двор тюрьмы...

Лишь на рассвете, на третьей смене часовых, увидели висящую веревку и обнаружили исчезновение из башни Котовского. В городе поднялась тревога: «черный ворон», глава банды анархистов, Котовский бежал из тюрьмы и опять на воле!

Но меньше месяца погулял в этот раз на воле Котовский. Анархиста предал провокатор каменщик Еремеич, он приютил Котовского у себя и привел полицию.

В сумерках весь двор дома, где засел Котовский, оцепили вооруженные полицейские во главе с Хаджи-Коли. Котовский увидел, что попался, но не догадался о предательстве хозяина.

Решил, чем умирать застреленным в комнате (чего, вероятно, хотел Хаджи-Коли), попытаться прорваться сквозь полицейских. Этого Хаджи-Коли не ожидал. Котовский неожиданно бросился со двора, стреляя направо и налево. Ранили его только в первом переулке, куда метнулся Котовский, но легко, в ногу. В переулке поднялась стрельба и свалка двух полицейских с атлетом-анархистом. Но из свалки, из стрельбы, раненный в ногу, Котовский все же вырвался и, бросившись на проезжавшего извозчика, сшиб его с козел и погнал лошадь.

Пользуясь темнотой, Котовский скрылся на окраине города. Ночь провел на бахчах, где с раненой ноги снял сапог, обмыл ее арбузом и той же ночью, добравшись до Костюженской больницы, в ограблении которой когда-то подозревали Котовского, нашел там приют у знакомого доктора.

Но в характере Котовского была доверчивость. И здесь она подвела. Из больницы Котовский послал записку тому же рабочему, члену партии эсеров, провокатору Еремеичу. Еремеич снова привел полицию на след раненого Котовского. Тут уже было проще. И Хаджи-Коли схватил Котовского.

Это было 24 ноября 1906 года. Котовского вернули в тюрьму, но посадили не в башню, а в секретный коридор, в полуподвальное помещение, чтобы был всегда на виду у стоящих на дворе часовых, и заковали накрепко в кандалы.

Но и тут Котовский предпринял ряд попыток к побегам. Перестукиваясь с сидящими в тюрьме 30-тью анархистами, над которыми висела смертная казнь, предлагал подкоп из

«крестовой башни». Подкоп начался. Но после двухмесячной работы был провален провокатором С. Рейхом.

Тогда Котовский стучал анархистам новое: «все равно казнят, предлагаю восстание всей тюрьмы!». Но анархисты на уговоры Котовского не пошли, хотя вскоре их и казнили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.